

Борис Седых

Море на двоих

Записки подводника

Борис Седых

**Море на двоих.
Записки подводника**

«Издательские решения»

Седых Б.

Море на двоих. Записки подводника / Б. Седых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555518-2

Два лейтенанта, два друга, прошли парадным строем на выпуске из Высшего военного-морского училища подводного плавания, пожали друг другу руки и разъехались по флотам Советского Союза, даже не подозревая, что, как мушкетёры личной гвардии короля Людовика XIII, встретятся, пожмут руки и обнимутся лет через десять, в лучшем случае. Их ждал горбатый подводный крейсер стратегического назначения проекта 667Б. Одного — на Северном флоте, второго на другом краю необъятного СССР — на Тихом океане.

ISBN 978-5-00-555518-2

© Седых Б.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРОЛОГ	8
ЛЕЙТЕНАНТСКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ	15
ПРЕДСТАВЛЯЮСЬ ПО СЛУЧАЮ НАЗНАЧЕНИЯ	16
ТИХАС	20
ПИСЬМА МАМЕ	24
ПОЛЯРНЫЙ	31
НАЧХИМ	35
КАК ЖЕНИТЬ ХОЛОСТЯКА	39
ТИТАНИК	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Море на двоих Записки подводника

Борис Седых

Редактор Измаил Петров

Иллюстратор Роман Акчурин

Редактор Светлана Кухарева

Корректор Татьяна Крюкова

© Борис Седых, 2024

© Роман Акчурин, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0055-5518-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор благодарит капитан-лейтенанта запаса Измаила Петрова, одноклассника и друга, за всемерную поддержку, участие в составлении книги, представленные сюжеты со службы в экипаже РПКСН проекта 667Б с тактическим номером «К-497».

Отдельная благодарность капитану 3 ранга запаса Сыромятникову Виктору Константиновичу, командиру БЧ-3, за годы службы на Краснознамённом Тихоокеанском флоте, Краснознамённом Северном флоте ВМФ СССР и яркие сюжеты из жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Водная гладь морей и океанов – чарующее зрелище для всех жителей планеты Земля. Как приятно смотреть на бескрайние водные просторы с берега уютного пляжа, из приморского ресторанчика или с борта корабля, а может быть, и яхты. Состояние nirваны и медитации, мысли текут неспешно, и рука тянется к бокалу охлажденного сухого вина. Ощущение единения и гармонии с окружающим миром.

И трудно представить, что в этот самый благостный момент в глубинах морей и океанов, в акваториях дальних бухт и даже подо льдами Северного и Южного полюсов идет нескончаемое подводное глобальное противостояние мировых морских держав, а по сути своей – военные действия. В этот сложный геополитический процесс вовлечены значительные технические, военные и человеческие ресурсы, и остриём этой совершенной боевой системы является подводная лодка – квинтэссенция человеческих научных достижений, воплощенных в законченные обтекаемые формы, и с вооружением, способным безвозвратно стирать с лица Земли континенты. А в прочном корпусе каждого подводного корабля, от сверхмалого аппарата специального назначения до атомных подводных крейсеров стратегического назначения, у пультов управления вооружением и техническими средствами неотрывно находятся экипажи подводников, отработанные до полного совершенства. Экипаж складывается из уникальных специалистов высокого уровня подготовки, доведённого до автоматизма, с высокой степенью психологической устойчивости, как клинок дамасской стали филиграннойковки и закалки. Каждый из них – уникальная личность, совершенная боевая биосистема, иные здесь не выживают, но при этом это живые люди со своей индивидуальностью. Постоянное напряжение неизменно компенсируется юмором, очень специфичным, где-то грубоватым, а в ряде случаев и тонким, с лирическим оттенком.

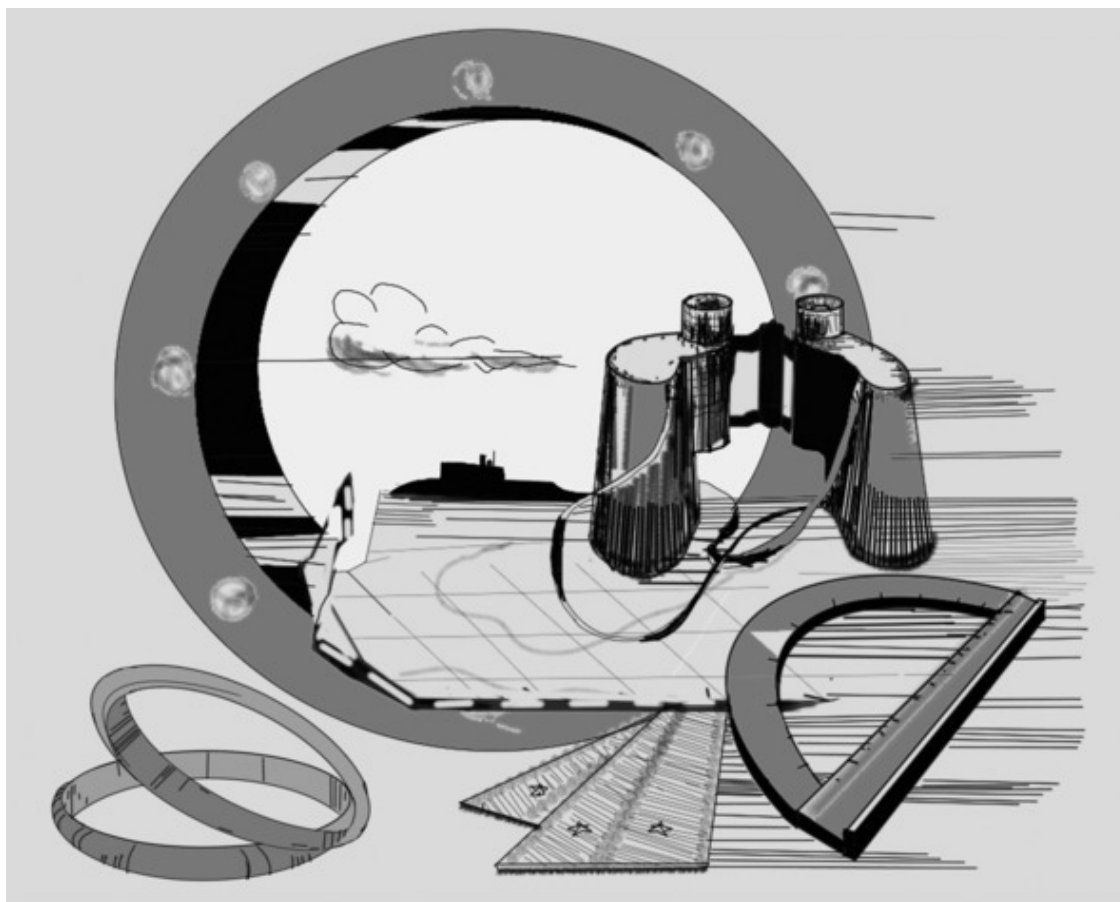
Вы держите в руках книгу «Море на двоих». За этим слегка странным названием Вам представляется возможность войти в закрытый специфический кастовый мир моряков-подводников и увидеть эволюцию морского офицера от первых шагов в службе до достижения совершенства морского служения, а далее – и окончания службы, познать быт и те специфические условия жизни в море и на берегу как самих подводников, так и их родных и близких. Всё изложено ярким литературным языком с образным юмором и философским осознанием достойного пройденного пути, с безграничным уважением и любовью к своим друзьям соплавателей. Слог и стиль изложения высоко оценило литературное сообщество, и буквально в момент вёрстки книги Бориса Седых приняли в Российский союз писателей.

Автор этой «энциклопедии» подводной человеческой жизни Борис Седых – личность многогранная, каждый рассказ прожит им лично или изложен его сотоварищами, профессионалами подводного, яхтенного дела. Глубокое постижение верности своей мечты о море со школьной скамьи, воплощенное поступлением пятнадцатилетнего подростка в Ленинградское Нахимовское училище (в простонародье «украденное детство»). Продолжение пути в единственном в мире славном Военно-морском училище подводного плавания им. Ленинского Комсомола. Достойная и лихая штурманская служба на атомных ракетных крейсерах стратегического назначения в суровом краю «летающих собак» – Гремихе, боевые службы, автономные плавания под паковыми льдами. Проба себя в бизнесе 90-х за полярным кругом. Бесстрашный автогонщик, принял личное щедрое участие в поддержке многих молодых спортсменов, ставших мастерами спорта и победителями в чемпионатах России по автоспорту. В настоящем – Человек Мира с обостренным чувством новизны и дальнейших постижений всей красоты жизни, яхтсмен и писатель, не лишённый искры Божией. О таких флибустьеры и китобои говорили: «Ему можно доверить палубу». А Автор с неё и не уходил, он продолжает свое морское служение на яхтах и на своей литературной вахте.

С дружеским расположением и объективным взглядом на творчество собрата по Училищу, штурманской службе и жизненным принципам.

Алексей Тарасов, капитан 1 ранга запаса, в разные годы жизни: выпускник ВВМУПП, ВОК ВМФ, ВМА им. Н. Г. Кузнецова. Штурман подводного ракетного крейсера, получившего имя «Георгий Победоносец», флагманский штурман 2-й Флотилии атомных подводных лодок и 16-й оперативной эскадры разнородных сил, старший уполномоченный по штурманскому вооружению Постоянной Комиссии Государственной приёмки кораблей ВМФ при ГК ВМФ, испытатель кораблей и подводных лодок.

ПРОЛОГ

В этот день курсант третьего курса, старшина 2-й статьи Пётр Петров стоял дежурным по роте. Был субботний вечер. У курсантов дежурство в выходные ассоциировалось с «тяготами и лишениями воинской службы», так как считалось наиболее тяжким наказанием провинившихся, лишавшим возможности выйти в каменные джунгли, подышать хотя бы несколько часов воздухом свободы.

Петруха, так называли Петра друзья, вспоминая фильм «Белое солнце пустыни», в выходные всегда с готовностью подменял товарищей, так как находил для себя определённые преимущества. В помещении роты сохранялся порядок, без которого в увольнение не отпускали. Благодаря этому дежурной службе практически не оставалось работы. Наряд сводился к «тупому», но неотлучному стоянию на «тумбочке». Спокойно. Проверяющие заходили редко, командир роты восстанавливал растроченные нервы дома. Оставались несколько провинившихся, которые, как правило, куда-то растворялись.

К тому же Петруха был не ленинградцем, из Грозного – последнего места службы отца, и в городе его никто не ждал. В редкие моменты, когда заводились деньги, любил бывать в кафе-мороженох «Лягушатник» или «Север» на Невском, радуясь возможности убить часа два в очереди. Ещё со времён учёбы в Нахимовском училище пристрастился гулять по городу, предпочитая идти, не выбирая маршрутов заранее, как туристы за границей. Выходил у метро «Гостинный двор» и брёл по наитию, без всякой конечной цели. В этом отношении Ленинград – один из тех городов, где каждая улица – это встреча с историей, а поворот сулит полную смену декораций. В Москве так не погуляешь.

В то время курсанты повадились ходить в клуб «КЗ», что на Петроградке, на дискотеку. В первом отделении играл духовой оркестр, исполнявший шлягеры, рекомендованные райкомом партии для культурного развития советской молодёжи. Свет в зале не выключался, музыка не вдохновляла. Завсегдагаи, клубные тусовщики, ожидали окончания обязательной программы, со снисхождением рассматривая старающихся подобрать движения под ритм новичков, не догадывавшихся, что под советскую музыку в этом клубе танцуют только «отсталые». Народ вдоль стенок тем временем занимался взаимооценкой. Девушки с трикотажной фабрики «Красное Знамя» были первыми инструкторами будущих военморов во взрослой жизни – их общежитие находилось через дорогу.

У оркестра была своя «фишка». Сдержанно отыграв официальный репертуар, постепенно уходили медные и деревянные духовые инструменты, оставляя на сцене ударника и две гитары. Все ждали этого момента. Оставшаяся тройка странным и неизменно вызывающим восторг образом преображалась в настоящую рок-группу. Исполняли они репертуар «Deep Purple», две-три песни, и всегда заканчивали исполнением «Smoke on the Water». С этого момента будущие строители коммунизма по-настоящему начинали освобождаться от оков. Разогрев получался достойным для начала второго отделения, в котором неизвестно откуда появлялась светомызыка и играли под магнитофон, практически полуполюгально, не рекомендованных райкомом комсомола к прослушиванию зарубежных исполнителей, и это не шутка. Один первокурсник, Женя Уткин, поехал на флот матросом за увлечение западным роком.

В субботу в училище под местный оркестр устраивались танцы в клубе. Приходили девушки из Педагогического училища, по пригласительным билетам, и девчонки из близлежащих общежитий. Последние приходили убить время в свой трудовой выходной.

Петруха пошёл в клуб искать дневального Юру Кузькина, который опоздал на смену.

Боря Борисов стоял на «тумбочке» и возмущался:

– Этот Кузькин достал вконец. В кои-то веки заступил дневальным на выходные – и то испарился, жук навозный! Хитрее нас с тобой, питонов. Строчит рапорта командиру роты, нашему Ване в очках, мол, отпустите меня домой, жена рожает или дети болеют.

– Боря, успокойся, ляг поспи, и всё пройдёт, а я пошёл на поиски, – и собрался в путь.

Борюсик завёлся, продолжая бубнить:

– А Ваня, командир роты, куда смотрит? Вечно идёт на поводу. Если посчитать все рапорта, получается, что Юра родил десяток детишек и не меньше двадцати вылечил со всего района. Доктор, отец-герой!

Юра был ленинградцем, к тому же женатым. Провинился перед командиром роты и был поставлен в дежурство на выходные. Кузькин – первый женатик в роте. Сочетался браком сразу после присяги, свадьбу сыграли в сентябре. В летнем лагере на КМБ (курс молодого бойца) известие, что побритый перед присягой наголо Кузькин женится, вызвало недоумение. Удивлялись, пока к нему на КПП не приехала Мариша. Девушка – воплощение женской красоты и женственности: большие круглые голубые глаза, пухленькие чувственные губки, русая коса до пояса – мечта поэта для вдохновения. Каждый юноша в свои восемнадцать грезил завоевать именно такую. Спокойная, добрая, хозяйственная – связала свою жизнь с хулиганом и двоечником. Хотя носящий чисто русскую фамилию Кузькин по темпераменту был истинный гасконец. Удивительное совпадение: девичья фамилия Марины – Кузина. Косой взгляд или полунамёк в сторону Мариши были достаточными поводами для драки, которая обычно превращалась в избивание, благодаря физической силе и большой любви курсанта.

На дежурство Кузькин, он же Кузнец, тоже попал за Маришу, так как нахамил сначала старшине, а затем и командиру роты по той причине, что его не отпустили в увольнение с вечера пятницы до утра понедельника. Данный факт в голове Кузнеца не мог быть интерпретирован иначе, как неуважение к Марише и прямая угроза её благополучию, несомненно, нуждавшемуся в личном присутствии мужа в законные выходные.

С упомянутой головой Кузнеца связана отдельная история. Перед поступлением в училище мама отвела единственного сыночка Юрочку в Институт мозга к знакомому профессору, чтобы тот посоветовал способ улучшить память. На носу маячили вступительные экзамены в училище, и мало у кого были сомнения, что Юра их полностью завалит.

Профессор после непродолжительного осмотра поставил диагноз:

– Отставаний в развитии и повреждений коры не наблюдаю. Не представляет трудности сделать память как у шахматиста. Однако должен предупредить, что возникнут проблемы в интимной сфере. Одно от другого находится в прямой зависимости. В одном месте прибывает, в другом – убывает.

Юра в сей же миг оценил возможности современной медицины. На весах с одной стороны была Мариша, с другой – всего лишь карьера военно-морского офицера.

– Профессор, а можете мне память вообще отключить?

Весы в голове у Юры по-другому просто не работали. В ранге жизненных приоритетов Мариша на протяжении всей их дальнейшей совместной жизни прочно занимала первое место, на втором и с третьего по десятое не было никого, а потом уже начинались дети, служба и далее по списку.

Пётр отловил Юрашу и Маришу на трапе клуба. «Трап любви» – лестница с тёмной площадкой на последнем этаже, штатное место для близости во время дискотек.

– Привет, Марин! Кузнец, ты охренел? Борисов на «баночке» уже час за тебя переставляет. С ног валится, спать хочет, как всегда. Очень ругается, он тебя убьёт.

– Да хрен с ним, с Борисовым, отстою я ночь за него, успеет выспаться. Нужна твоя помощь. Мне Марише срочно нужно дать совет, как дочку воспитывать. Мы сейчас наверх поднимемся, а ты на шухере стой здесь, только никого не пускай. В помощь тебе отряжаю Машу, заодно и познакомишься. Мы быстро!

Петруха только сейчас заметил невысокую миловидную девушку в скромном платье чуть ниже колен, стоящую рядом. Лица её в темноте лестницы было не разглядеть.

Щепетильный и хорошо воспитанный Петров, не понимая поведения Кузькина, откровенно возмутился вслед идущей наверх парочке.

– Ну ты, Юра, даешь! Это же жена твоя, здесь место для любви девок из общаг, – сказал он, собираясь спускаться с Машей на пролёт ниже, чтобы занять оборону.

Сверху отец семейства отшучивался:

– Да ты что, Петруха? Я уже скоро сутки без любви, я же сдохнуть могу, и вместо трёх у тебя останется два дневальных. Не тормози, сам затягиваешь время. Возьми сумки, может, и тебе косточка с барского стола перепадёт.

Петруха остался на шухере с Машей. Они разговорились. Выяснилось, что на тёмном трапе Училища подводного плавания она оказалась совершенно случайно. Затащила её сюда Маришка, у которой жестокосердное начальство главу семейства оставило без домашнего ужина и порции любви. Единственной возможностью увидеться и хотя бы частично подкормить оставались танцы. Одной же ей было идти в училище стыдно – не дай бог, подумают, что она пришла мужа себе искать. Маша заодно помогла Марине дотащить две огромные сумки с домашней снедью.

Отстоять трап и уединение супругов оказалось делом не из простых. Народ в жажде любви валил потоком. Верхняя площадка служила заветным местом, которое курсанты первым делом торопились показать своим новоиспеченным подругам, пока шли танцы. Маша с любопытством наблюдала, каким авторитетом пользуется Пётр среди курсантов, не догадываясь, что для младшекурсников в приоритете были три галочки и повязка «РЦЫ» на его рукаве.

Маша училась в музыкальном училище по классу скрипки. Оказалось, Пётр, как и она, любит театр. Договорились увидеться на выходных, попытаться вместе прорваться в какой-нибудь храм мельпомены.

В следующую субботу встретились возле Мариинки. Как заядлые театралы, они знали, что на любой спектакль можно было купить билеты с рук. Давали «Лебединое озеро», дирижировал Юрий Темирканов – это было редкое везение.

Более чем удачным оказалось и их случайное знакомство. Как-то сразу к ним обоим пришло осознание, что они являются частью одного целого, внешний мир сверхъестественно сомкнулся на них двоих. Видеться им удавалось нечасто, преимущественно по выходным. Разлука же только делала прочнее взаимно крепнущее чувство. Теперь понятие «настоящая радость» у Петруши было связано исключительно с Машей. Появился мощный мотиватор для поиска малейшей возможности выбраться из казармы. Если не удавалось легально – тропой Хошимина, по которой в самоволку ходило всё училище.

Молодые, верящие в себя, в любовь, уверенные, что предстоит счастливая и весёлая жизнь, гуляли по ночным набережным Ленинграда, дожидаясь, когда сведут мосты. Строили планы на новую самостоятельную жизнь в северном городе белых ночей и трёх революций.

Два с половиной года на берегах Невы пролетели незаметно. Маша и Пётр решили связать судьбы узами брака сразу после выпуска. Жениться курсантом, не имея возможности обеспечить жену, Петруша для себя считал верхом безответственности. Совсем другое дело – лейтенант, который мог рассчитывать на помощь рабоче-крестьянского государства в решении насущных материальных проблем своего защитника.

Каждый решает вопросы семейной жизни в соответствии со своим представлением и возможностями. Юра Кузнец женился сразу после присяги на первом курсе, создав счастливую семью на многие годы. Бракосочетание обошлось без обряда венчания, но про такие союзы говорят, что их таинство предречено на небесах.

Другая история произошла с красавчиком курса – высоким жгучим брюнетом с ослепительной улыбкой Борей Борисовым. Тот был добровольно окольцован сразу после дальнего похода, при переходе на третий курс. Друзья весело отгуляли на свадьбе. С курсантским жалованием жить три года благодаря теще и молоденькой супруге, работающей медсестрой, мягко сказать, не по-взрослому. У него были доводы, так как пообещал жениться – невеста была первой взрослой любовью и женщиной.

Поступил так осознанно, несмотря на серьёзные уговоры матери:

– Сынок, подумай. Женитьба – это ответственный мужской шаг. Посмотри на себя: тебе девятнадцать лет, ты ещё совсем мальчик. Где вы будете жить, и главное – на что?

Мама Бори вырастила сына без отца. Помогла сделать правильный жизненный выбор – поступить в Нахимовское училище и идти стезёй военно-морского офицера. Была категорически против раннего брака. Борю друзья называли Борюсиком, считали рассудительным, но несколько инфантильным, порой тугодумом. Неожиданно для самого себя взбрыкнул, как молодой жеребец, и наперекор маме женился, тем самым испортив отношения с единственным человеком, по-настоящему любящим всегда и безусловно.

Пятый курс пролетел незаметно. Стажировку отмучились в безделье. Юра – на Камчатке. Боря – на Севере, в Гремихе, куда впоследствии и поехали с лейтенантскими эполетами.

А Петруша стажировался вместе с общим другом и питоном Андреем, сыном Вали, на Севере, причём на самом мощном в мире подводном тяжёлом крейсере, мечте любого подводника – на «Акуле». Стажировались как положено – «вперёд – до бляхи, назад – до отказа». Но произошёл казус: в гарнизоне случайно оказались задержаны патрулём, отсидели на гауптвахте. В училище прилетело письмо «благодарности», и Андрею светило уехать служить на дизельные лодки в город Полярный, а Петру – вообще на Дальний Восток, в Приморье. Парни особо не переживали: настоящий офицер служит там, где он Родине нужнее.

Выпуск на плацу прошёл традиционно – торжественно. Каждому было как-то непривычно видеть себя и друзей в строю в парадной сияющей офицерской форме. Трудно описать внутренние переживания и гордость с замиранием сердца новоиспечённых лейтенантов. Ров-

ные шеренги на торжественном марше. Чёткий строй, чеканный шаг. Прощай, родная Система! Прощай, любимый ВВМУПП! Такое запоминается на всю жизнь.

Выпуск всем классом отмечали в ресторане «Невский», в отдельном зале на втором этаже. К торжеству присоединились офицеры-воспитатели из Питонии и любимцы – харизматичные преподаватели с кафедры кораблевождения, окончившие Нахимовское в самом начале 70-х.

Боря был самым счастливым, его товарищ не разлей вода и питон-одноклассник Антон, он же Киса, не поехал в Зеленогорский ресторан «Олень», где праздновали его одноклассники, а решил торжество момента жизни свежее испечённого офицера отмечать с закадычным другом. Выпуск отметили изысканно, манерно, без мордобоя и схваток с патрулём, чинно – с жёнами и невестами.

Буквально через день началось перерождение невест в жёны. Период лейтенантских свадеб продолжался всю неделю, каждый день. Тяжело такое выдержать. Молодые, сильные, готовые служить верой и правдой Отечеству и не на такое способны!

В день свадьбы Маши с Петрухой из Дворца бракосочетания по традиции поехали по набережным Ленинграда на машине Андрея, сына Вали, единственного на курсе владельца автомобиля, которому отец, флагманский штурман дивизии подводных лодок, безбоязненно вверял транспортное средство. Андрей – штурман на генетическом уровне, славился тем, что в любое время дня и ночи мог назвать лунное число, уверенно мог сказать, чем отличается северный буй от южного... тоже буй, тем более – знанием точного курса корабля, если тот движется на Полярную звезду.

Автогонщик от бога, как себя представлял Андрей, предпочитавший ездить по встречным трамвайным путям, быстро совершил свадебный маршрут, замкнув круг на Стрелке Васильевского острова. По традиции, достигнув Летнего сада, жених с невестой целовались на мостах, а свидетели – под мостами. Борюсик волею судьбы стал через тринадцать лет действительно автогонщиком, а пока в качестве свидетеля грядущего семейного счастья друга чувствовал себя временно холостым, в шутку, но страстно лобзался со свидетельницей со стороны невесты, познакомившись за пять минут до регистрации. Выпив шампанского, решили целоваться на всех мостах подряд, сын Вали важно сидел за рулём, естественно, остался нецелованным, зная, что своё наверстаёт сполна во время свадьбы – в харизматичности ему нельзя отказать и по сей день.

Времени до сбора в ресторане оставалось много, решили заехать напоследок в училище, остановиться у памятника Лермонтову, проверить, надета ли ещё на монумент тельняшка, которую шили выпускники каждого года с давних времён.

Со Стрелки направились в сторону Лермонтовского проспекта. Впереди показался купол Морского собора, одного из немногих действовавших на тот момент православных храмов.

Маша попросила заливчатского водителя:

– Андрюша, давай остановимся у храма, раз время есть. Просто зайдём, посмотрим, никогда не была там.

Собор находился в нескольких минутах ходьбы от училища, и за все пять учебных лет, многократно проходя мимо, мало кто из курсантов даже любопытства ради решался заглянуть туда. Величественное здание выглядело каким-то забытым изгоем в мире торжества и побед материального мира.

Ленинградцы сторонились храма, стараясь не входить в действующую православную церковь, не желая тем самым афишировать интерес к религии. Совсем иное дело – превращённые в музеи Исаакиевский собор, со знаменитым мраморным убранством и колоннадой, или Казанский собор, на котором красовалась вывеска «Музей религии и атеизма». Их посещение свидетельствовало о стремлении к культурному развитию. В советское время храмы должны были служить подтверждением того, что Бога нет.

Андрей остановился, вышли из машины. Тёплый, солнечный, редкий для Ленинграда, без дождя, июньский день, был знаком с Неба – такого же безоблачного будущего молодожёнов. Из собора после литургии выходили последние прихожане.

Боря со свидетельницей остались у машины, мило развлекая друг друга, неприкрыто проявляя взаимный интерес.

Всегда серьёзный и вдумчивый Петя с улыбкой обратился к Маше:

– Надеюсь, ты не будешь настаивать на венчании, иначе я в лейтенантах, как Д'Артаньян, двадцать лет прохожу.

Неожиданно прозвучал чей-то голос:

– А она с тобой и не может венчаться. Она с Христом обручена.

Перед входом в собор прямо на паперти сидела нищенка в отрепье.

Испугавшись, Маша схватилась за Петра:

– Ошибаетесь, я уже замужем. Вот мой муж – офицер-подводник.

– Вижу и мужа твоего. И тебя, милая. Безбожие и грех доставит вам мучений, но каждый из вас придёт к Богу в своё время, а ты, милая, будешь с Христом обручена, – пробормотала еле слышно нищенка.

Ребята заулыбались. Не всё расслышали.

Пётр из всего сказанного разобрал только «мучения».

– В этом готовы с вами согласиться, мучений на флоте хватает!

Зашли в собор. Пахло ладаном. Перед иконами угасали свечи, бабушки-прихожанки торопились навести порядок. Деревянный расшатанный пол, поблёкшие краски росписи. Полумрак. Низкие своды. Странно, почему? Купол высокий, наверное, выше второй этаж. Хотели перекреститься, но забыли, двумя или тремя перстами и в какую сторону. Какая-то неведомая сила сковала их. Так и простояли несколько минут, не проходя в центр.

– Красиво, конечно, но во мне начинает просыпаться страх Божий, пойдёмте-ка лучше отсюда, не люблю я этого всего, – проговорил Андрей.

– Да, пора ехать, всё равно в этом ничего не смыслим, – согласился Пётр.

Выбравшись наружу, на контрасте почувствовали себя вынырнувшими из глубин параллельного мира. Внутри собора чувствовалось присутствие какой-то неведомой, сокрытой от глаз людских энергетики, способностью подпитываться и радоваться которой одарены только истинно верующие.

Друзья сели в машину. Андрюха, по своему обыкновению маневрируя по встречной полосе, быстро доставил молодожёнов до училища. Тельняшку с Лермонтова милиция уже сняла, тем не менее сделали памятное фото. На этом первая часть программы праздника была выполнена. Пора было выдвигаться на свадебный банкет.

Ресторан «Балтика» на углу площади Мира и улицы Ефимова, сохраняя купеческие традиции некогда располагавшегося здесь Сенного рынка, не побоялся репрессий со стороны государства и обеспечил новоиспечённых молодожёнов и лейтенантов достаточным количеством горячительного, вразрез с «антиалкогольной политикой партии и правительства», и редким по тем временам ассортиментом закусок. Офицерские подъёмные оказались направленными на благое дело.

Свадьба-выпуск удалась на славу. Так способны веселиться только советские, с русской душой, люди. Невесту, как полагается, «выкрали». Виновный в недогляде свидетель Борюсик заплатил штраф, выпив из «хрустального башмачка» новобрачной чуть ли не бутылку сорокаградусного напитка, после чего разругался с собственной женой и неожиданно пропал. Свидетельница тоже вдруг исчезла.

Кузнец завязал драку с двумя гражданскими. Его приходила забирать комендатура, но полковник Советской Армии, отец Петра, объяснил капитану, начальнику патруля, о соблюдении субординации. Патруль удалился. Потасовка вспыхнула новым пожаром.

Отец Петра, боевой офицер, смотрел смерти в лицо не раз. До поры наблюдал снисходительно, как резвятся молодые офицеры и гражданские, по всей видимости, питерские фарцовщики.

Потом встал и хорошо поставленным голосом дал команду:

– Прекратить! Кто смелый, давайте выйдем!

На улицу вышли пятеро безумных. Полковник в парадной форме с золотыми погонами взял в одну руку кортик, а другой приземлил сразу четверых. Пятый понял, что лучше сваливать, и побежал. Полковник – за ним. Бедолага закрылся в телефонной будке и стал неистово звать на помощь:

– Помогите! Милиция! Спасите!

Со стороны картина смотрелась колоритно. Подоспели лейтенанты-морьяки и спешно оттащили пехотного полковника в зал ресторана.

Возбуждённый отец Петра с жаром резюмировал:

– Эх, молодёжь! Отпор надо давать жёстко и всегда бить первым!

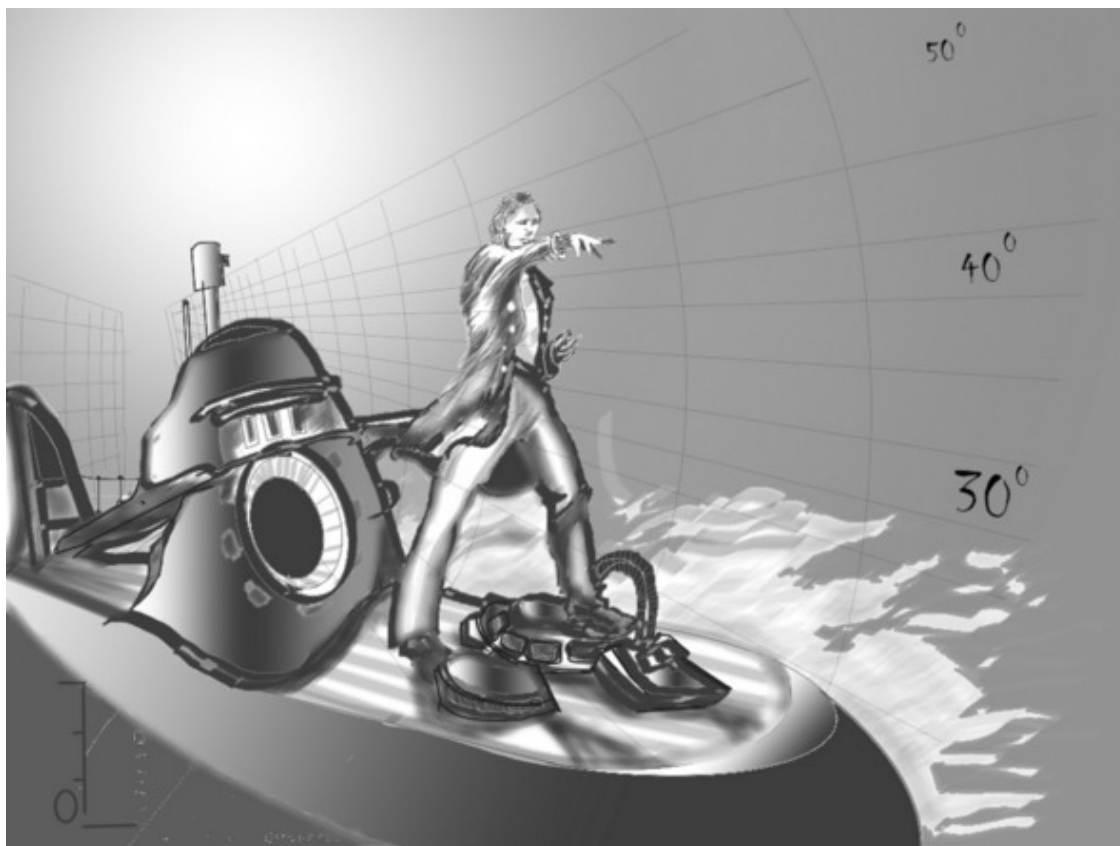
Ребята завидовали Петрухе:

– У тебя классный батя, настоящий полковник!

Веселье продолжалось. Андрей несколько раз получил удовлетворение где-то в подсобках, рассказывая при этом душещипательную историю, какой он однолюб. Больше всего радовало отсутствие на столе чайников и самоваров, бутылки стояли на столах открыто – свадьба была настоящая, подводя итог беззаботной курсантской жизни в городе не Неве.

Уже через месяц лейтенанты разъехались по флотам Советского Союза, даже не подозревая, что, как мушкетёры личной гвардии короля Людовика XIII, встретятся, пожмут руки и обнимутся лет через десять, в лучшем случае, а кого-то не увидят больше никогда...

ЛЕЙТЕНАНТСКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

ПРЕДСТАВЛЯЮСЬ ПО СЛУЧАЮ НАЗНАЧЕНИЯ

У каждого покорителя морских глубин свой путь в мире романтики. У чёрных в золоте, лейтенантов ВМФ Борисова и Петрова лодки и судьбы оказались нанизаны на шампур по имени «Проект 667Б». Горбатый крейсер стратегического назначения ждал их. Борисова – на Краснознамённом Северном, Петрова – на далёком Тихоокеанском флоте. Таково предназначение морских офицеров.

Борюсику жребий определил ракетный подводный крейсер с тактическим номером «К-279», головной в серии, проекта 667Б, заказ №310. Но молодой амбициозный лейтенант даже не подозревал, какой славой и легендами была овеяна его лодка. Лучшая на Северном флоте.

Это случилось пятнадцатью годами ранее появления на борту крейсера свежеиспечённого лейтенанта Борисова. Подводный красавец вышел со стапелей «Севмаша», прошёл ходовые испытания. В ходе приёмки его должен был посетить Главком ВМФ.

Новёхонькую лодку к этому событию драили и чистили, как арабского скакуна перед международной выставкой. Корабль сиял, как... не важно у кого, но ярко. Утром боцман решил самолично мазнуть кисточкой в боевой рубке, почувствовал себя Ван Гогом, сообразил композицию завершить.

На борт корабля пожаловала высокая комиссия. И Главком, спускаясь, рукавом шинели задел свежую краску, нанесённую шаловливыми ручками новоявленного постимпрессиониста. Адмирал флота сделал вид, что пятно не заметил. Ничего не сказал, спокойно снял шинель и положил на кресло краской кверху. Пошёл с командиром Фроловым далее осматривать лодку.

В центральном началась суета, матросы нашли растворитель и свежее пятно отёрли. Шинель как новая, только запах выдаёт, что что-то с ней не так. Комиссия задерживалась на проверке, и в большей степени из-за того, что любовалась детищем Главкома, лично наблюдавшего за строительством и вложившего в ракетный крейсер свою душу. Он сыграл неоценимую роль в развитии атомного ракетного флота СССР.

Самый смелый из матросов решил примерить шинельку с большой звездой и мощным гербом нерушимого союза на погонах. Другой годуля метнулся за фотоаппаратом. Фотографируются по очереди на память. Настолько увлеклись, что не заметили, как в центральный вошёл мужчина в роговых очках. Картина называется «Приплыли». Матрос позирует в шинели адмирала флота, а хозяин погон, удивлённый, созерцает со стороны. Мхатовская пауза слишком затянулась, не имея шансов быть завершённой достойно, без потерь...

Главком приподнял руку, обозначая своё добро:

– Ну что же, молодцы, порадовали. Корабль в отличном состоянии. Фотографируйтесь, это вам лучший подарок для дембельского альбома!

Надеюсь, вы узнали Сергея Георгиевича Горшкова – Адмирала флота Советского Союза. Такой он был – широкой души человечество, непритязательный интеллигент, порой резкий к разгильдяям, уважаемый всеми подчинёнными до почитания. Не каждому удавалось Главкома ВМФ испачкать краской.

Все командиры разные, но, как ни крути, от них зависят судьбы вверенных им подопечных.

Первым командиром первого экипажа стал Фролов Виктор Павлович. Контр-адмирал, командир атомной подводной лодки «К-279» проекта 667Б «Мурена». За испытания лодки впервые в истории подводного флота командиру действующего корабля присвоено звание контр-адмирала и вручён орден Ленина в 1972 году. Один из немногих командиров подводных лодок, получивших адмиральское звание на должности командира корабля.

Жгучий брюнет, красавчик курса Борюсик не поменял статус юнца на мужчину, женившись на третьем курсе. Остался в душе смешливым мальчишкой. Время взрослеть для него настало лишь тогда, когда, получив предписание в 11-ю флотилию, приехал в Мурманск. Один, без жены. Для прохождения службы.

Единственно возможный маршрут пролегал через Мурманск в Гремиху на белом теплоходе. Путь в самые егеря Северного флота знаком, стажировку там проходил. На Морвокзале ещё утром познакомился с Сергеем, старшим лейтенантом. Оказались попутчиками. Купили билеты на один пароход. Времени – вагон. Большой чемодан был оставлен в камере хранения. Влез впритык, а там всего лишь форма, включая белую тужурку и чёрную плащ-накидку. В дальнейшем тужурке так и не нашлось применения, а вот плащ-накидка – очень полезная вещь на рыбалке в дождик.

Ума хватило Борису не брать с собой чемодан без ручки и ещё десятков мест багажа. Повезло – супруга ждала беспокойного первенца и жуткий токсикоз выворачивал её суть наружу.

Боря часто забывал вчерашний день, не зря курсантские друзья каждый год в День Советской Армии дарили ему записную книжку и карандаш. Начал сочинять код и записывать, чтобы не забыть при открытии ячейки.

Новый знакомый говорит:

– Не парься! Набирай шифр «К279».

– А вдруг забуду?

Сергей улыбнулся:

– Напомню. Я не забуду никогда, бьюсь об заклад, мои сослуживцы с «К-279» именно так поступают, чтобы помнить!

Лейтенант, особо не вникая, что сие означает, сделал, как было рекомендовано старшим по званию.

Отправление теплохода в 18.00. Решили вместе время скоротать: посмотрели фильм в кинотеатре (когда теперь доведётся), посетили пельменную под пиво.

Путешествие длиной 180 миль на белом пассажирском лайнере «Клавдия Еланская», всегда в удовольствие, если не штормит. В этот раз море оказалось спокойным.

К утру пришли в Гремиху. Борисов кинул чемодан у Сергея дома и побежал на флотилию доложиться. Начиналась его служба Родине.

Патриарх штурманской службы 11-й флотилии Кондратьев, худой долговязый капитан 1-го ранга с живым мальчишеским взглядом, встретил в штабе лейтенанта как родного:

– Привет! Борисов? Помню тебя со стажировки, как раз тебя ждал. Нам такие молодые офицеры нужны!

Борисов очень удивился: «Как так? Ваня-чудак, писатель первой аттестации, намалевал там чуть ли не уголовную статью».

Изучив документы, флагманский подвёл итог:

– Посмотрел аттестат, средний балл почти 5.0. Будешь служить в 41-й дивизии, на самом боевом корабле в экипаже Журавлёва.

– Есть! У Журавлёва! – повеселевший лейтенант умчался в казармы дивизии доложиться.

Радости Борюсика не было края, рассчитывал на ОВР (надводные корабли охраны водного района) – начальник курса, командир роты, обещал такую аттестацию написать, с которой прямой путь в дисциплинарный батальон. Поэтому пришёл на флотилию хмурый, в чудеса не верил. Спасибо флагману, не повёлся на каллиграфический лживый почерк Вани-чудака.

Немного о Ф-1 (флагманский штурман) 11-й флотилии. Вот человечество! Знал каждого штурмана лично, некоторых – с курсантских времён.

Сам давал курсантам задания:

– Курсанты, чтобы не дурели от безделья, вам заниматься корректурой карт. У штурмана забот выше крыши. Ваша помощь не помешает.

И на самом деле муторная корректура состояла в том, чтобы из Извещений мореплавателям судов (ИМС) переносить на карты изменения: где-то глубину моря гидрографы уточнили, где цвет маяка изменился или, поменялись рекомендованные маршруты и курсы следования.

Валерий Алексеевич Кондратьев был исключительным интеллигентом. Никогда голос не повышал, общался доброжелательно, почти на равных даже с курсантами. Крепкие слова не употреблял, вразрез стереотипам о матерщине на флоте. Вы удивитесь, но именно такое мнение сформировалось о капитане 1-го ранга у лейтенанта в первый день на флоте.

Кондратьев Валерий Алексеевич, контр-адмирал. Окончил Каспийское ВВМУ им. С. М. Кирова в 1972 году, служил командиром ЭНГ БЧ-1, командиром БЧ-1 АПЛ СФ, флагманский штурман 11 флотилии АПЛ. С 1989 года – зам. главного штурмана, с июля 1995 года – главный штурман Северного флота. Участник многих дальних походов и государственных испытаний тяжёлого атомного крейсера «Пётр Великий».

Отправившись в казарму, Борису пришлось обратиться к старшему помощнику, командира не было:

– Товарищ капитан 2 ранга представляюсь по поводу назначения на должность инженера электронavigационной группы, лейтенант Борис Борисов!

Экипаж собирался из отпуска. Все слонялись из угла в угол, разброд и шатание, домино в курилке и частые построения, чтоб по домам не рассосались. Хуже нет, чем плавсоставу томиться в казарме, лучше на корабле Родину защищать.

Только что прибывший лейтенант в гримасах ходит по коридору. Спина прямая, подбородок дерзко задран.

Вдруг появляется блондин, вернее, только голова в приоткрытой двери:

– Товарищ лейтенант, здесь располагается экипаж Журавлёва?

Борисов с высоты своего роста важно отвечает:

– Да, лейтенант, чё хотел?

– Понятно, а вы, наверно, давно в экипаже служите?

– Давно.

– Как экипаж? Народец нормальный?

– Ясен пень и острый перец, ребята отличные, командир – уважаемый!

Голова блондина тут же скрылась за дверью. Что хотел? Борюсик так и не понял.

За три дня в курилке познакомился почти со всеми. Сложно было запомнить имена и отчества. Это традиция – на подводных лодках обращаться друг к другу не по воинскому званию, а по имени-отчеству. Около сорока офицеров и мичманов, поди запомни сходу. Жизнерадостный штурманёнок и сам по мановению флотского порядка превратился в Бориса Николаевича – статус, офицер подводного крейсера. На третий день игры в домино экипаж собрался в полном составе и сразу начал принимать корабль.

В тот момент лейтенант Борисов даже не подозревал, что попал на подводную лодку с историей. Головная крейсерская подводная лодка «К-279» проекта 667Б была вооружена комплексом ракетного оружия «Д-9» и являлась первым в мире атомным подводным ракетоносцем с межконтинентальными баллистическими ракетами, способными наносить мощные ракетные удары из подводного и надводного положений, залпом всего боекомплекта с высоким темпом стрельбы по одной или нескольким целям, в том числе каждой ракетой по отдельной цели.

Старшие офицеры безбожно шутили:

– Наконец командиру квартиру выделили.

Борисов не понял:

– Только сейчас? Командир служит не первый десяток лет. Интересно, когда же лейтенанту квартиру дадут?

Командир часто находился на ракетном подводном крейсере стратегического назначения, считай, там и был прописан, и действительно оказался без служебной квартиры. Затянулся его перевод в штаб Флота, а квартиру сдал в ОМИС¹.

Молодые офицеры селились где придётся, как говорится, «это ваши проблемы». Борису с квартирным вопросом опять повезло, Сергей Первых, старший лейтенант, новый знакомый с Морвокзала, оказался его непосредственным начальником – штурманом корабля. Вот совпадение! Даже чемодан с формой таскать не пришлось.

Взял Боря под своё крыло и решил:

– Поживёшь первое время у меня, так спокойнее.

В однокомнатной квартире спали на раскладном полуторном диване «валетом». Кому сейчас расскажи, подумают всякое.

Началась корабельная жизнь. В море выходили часто, дома появлялись редко. Через месяц Борис Николаевич сам себе запретил сход на берег. Изучал устройство подводной лодки для получения допуска к дежурству по кораблю. Всё катилось своим военно-морским чередом.

Блондин оказался таким же свежеиспечённым лейтенантом, командиром турбинной группы (КТГ). Андрей Борисович, хитрый и пронырливый малый, перед назначением ходил по экипажам и всем задавал один вопрос: «Как служится?» Ответу Борисова он сходу поставил пятёрку, оттого оказался в экипаже «К-279». По факту проведения разведки уговорил НЭМСа (начальника электромеханической службы) соединения подводных лодок направить в экипаж Журавлёва.

Андрей потом смеялся:

– Как мог довериться лейтенанту-одногодке? Но у Борисова был такой важный вид, как у крейсера «Аврора» перед залпом по Зимнему дворцу!

---

¹ В военно-морском флоте СССР функции квартирно-эксплуатационной части были возложены на отряды морской инженерной службы (ОМИС)

ТИХАС

Вслед за Борисовым и Петру Петрову пришло время оказаться в реальном и пока неизвестном мире, поменяв культурную столицу на место службы – Тихоокеанский флот.

Маша на правах жены офицера вместе с мужем впервые летела за счёт государства на самолёте Москва – Владивосток. Новый статус оказался ей по душе. Она чувствовала себя участницей, либо причастной к какому-то большому делу, ответственность за которое лежит на плечах её мужа-подводника, офицера. Элита военно-морского флота: США во главе капиталистического мира, с одной стороны, и СССР во главе социалистического лагеря – с другой, поделив мир пополам, соревнуются в гонке подводного вооружения. Самые передовые технологии и лучшие умы привлечены обеспечить победу в холодной подводной войне. На плечах её любимого Петра Петрова – судьбы мира и защита советских людей, а она – его помощница, надёжная опора, готовая разделить с ним все тяготы и лишения, любящая по-настоящему, всем сердцем.

Предстоящие трудности полных оптимизма молодых людей не пугали, наоборот, рассматривались как вызов судьбы, на который они смогут достойно ответить. Их любовь всё победит!

Уезжая из столицы Приморья на автобусе, Маша ощущала нараставшее с каждым километром незнакомое доселе ощущение отдаления от цивилизации, надвигающейся неизвестности и страха. Владивосток скрылся за сопками окончательно, от её бывлой решимости и смелости, ещё теплившихся в самолёте, не осталось и следа, она полностью себя вверила защитнику-мужу: «Будь что будет, лишь бы Петя был рядом».

По прибытии в Тихас (так местные называли посёлок Тихоокеанский) автобус выгрузил партию вновь прибывших у Дома офицеров. В этот момент пришло осознание, что они попросту не представляют, куда идти и что делать дальше. Посоветовавшись, ребята решили первым делом найти штаб флотилии и попытаться там узнать распределение, а Машу пока оставили с вещами.

Первое, что ей бросилось в глаза, это большое количество маленьких детей, одетых в дорогую модную одежду из валютных магазинов, и прогуливающиеся с колясками молодые мамы, сверкающие золотом украшений на фоне грязного серо-зелёного неба и покрытых густым лесом сопки. Рядом стояло несколько приличных с виду пятиэтажных домов. В тот момент Маша с трудом могла себе представить, как в таких условиях можно вообще рожать и воспитывать детей.

Молодые лейтенанты вернулись через час, получив распределения по воинским частям. Возвращаясь к месту, где оставили Машу, увидели картину, навсегда врезающуюся в память резким контрастом бытия: большой круг сумок и чемоданов, посреди которого со скрипкой в руках стоит тоненькая девушка – человек из другого мира, непонятно каким ветром занесённый на Дальний Восток. Одновременно смешно и трогательно.

Минёр Паша, тоже из молодых, грустно улыбнулся:

– Дурак ты, Петя. Зачем жену с собой притащил? Надо было сначала устроиться. Слышал, что начальник политотдела сказал, на квартиру первые два-три года можешь не рассчитывать. Тебе на лодке место обеспечено, есть где голову приклонить, а куда жену пристроишь?

– Она у меня сильная, справится. Все жёны через это проходят, никто ещё не умер. Трудности закаляют.

– Зря ты судьбу испытываешь. Не со всеми этот постулат работает. Женщины не для этого созданы.

Теперь предстояло идти представляться командирам экипажей. Петров попал в экипаж проекта 667Б, атомной подводной лодки стратегического назначения «К-497», во второй эки-

паж, образованный в 1975 году. Это была большая удача! На такое начало службы он, сосланный в Тихас по залёту на стажировке, никак не рассчитывал. Под впечатлением от превосходного назначения все мысли Петрухи обратились к новому кораблю, таким образом постепенно отодвигая обустройство быта и Машу на второй план.

Экипаж вернулся из отпуска, все находились в казарме, ожидая на днях начала приёма-передачи корабля от первого экипажа, недавно возвратившегося из автономки. В офицерских каютах повсеместно был слышен смех. Удивительное совпадение, как и Борис Борисов, дважды его товарищ по учёбе, получил назначение на проект 667Б. И фамилия у командира та же – Журавлёв. И лодки одинаковые, и фамилии у командиров! Выходит, их судьба – море на двоих.

Пётр постучался в каюту командира:

– Лейтенант Петров прибыл для дальнейшего прохождения службы!

– Какое училище окончил, сынок?

– ВВМУПП имени Ленинского Комсомола. Штурман.

– Вижу, что не Иванов, – дружелюбно улыбнулся командир.

Шутка была к месту – поджарый, среднего роста Петруха с чёрными, как смоль волосами, карими непокорными глазами и прямыми ресницами всегда смотрел в упор, и оппоненту было не понятно: он способен прыгнуть рысью и порвать тебя в клочья или сосредоточен и готов выполнить приказ командира. Кожей ощущалось – потомок воина, что являлось неоспоримой правдой, сын геройского полковника, участника боевых действий.

– Коммунист? – поинтересовался замполит.

– Пока кандидат.

– Это ничего. Поможем. Научим. Накажем.

Командир приказал офицерскому составу построиться в коридоре. Лейтенант Петров вышел в центр, и командир представил экипажу нового инженера электронavigационной группы (ИЭНГ). В строй Петруха встал уже в свою боевую часть номер один.

После роспуска строя Петров обратился к штурману:

– Я с женой приехал, осталась с вещами около Дома офицеров. Не знаю, где остановиться.

– Рад бы помочь, де не могу. С квартирами у нас напряжённо. Сейчас тебя отпускаю, но к восьми на подъём флага – как штык. Начинай службу – крутись. Заодно и повзрослеешь.

Не понимая, радоваться ему или плакать, Петруха побежал к Маше. По дороге встретил одноклассника Гену Тюлькина, прибывшего на несколько дней раньше.

Тот обрадовался:

– Здорово, брат, и ты здесь? Куда попал? Где устроился? Я на «раскладушке» – 675-м проекте. Вещи бросил на квартире одной. У меня ракетчик, на год старше нас, второй год без квартиры по посёлку мыкается, через любимую девушку узнал, что хозяйка квартиры в отпуске, вернется только через пару месяцев. Мы дверь взломали и живём. Присоединяйся на время. Маше твоей всегда респект и уважение, будет нашей «Мамой Чоли»².

Друзья уступили Маше с Петром отдельную комнату. Так началась их самостоятельная, для Петрова – полная сюрпризов и романтики – жизнь.

Последовали частые выходы в море на сдачу задач.

Штурман Вова был всего на год старше Петрова, с ним учились в одной бурсе – во ВВМУППе. Любил он вахту с 08.00 до 16.00 за законное право отсутствовать на всех обязательных для офицеров занятиях (политических и борьбе за живучесть), проводившихся после обеда.

---

² Героиня мексиканского телесериала «Просто Мария», принявшая заботу о друзьях и родственниках.

– Ну что, как дела, штурманёнок? Готов переходить на другую карту? – это он так шутил, намекая, что настоящее место лодки настолько далеко от счислимого, что на текущей карте его просто нет.

– Надеюсь, не придётся.

– Гиропост, штурман. Доложить, – Вова размеренно командовал своим личным составом суровым металлическим тембром, считая необходимым, как командир БЧ-1, «строить» гиропост.

Делал это с завидным постоянством, при заступлении на вахту, исключительно по внутренней связи, держа банан с микрофоном в мужественной руке. Морщил брови для грозной убедительности, приводил стальные глаза в горизонт суровой прецессии, благо никто не видит.

– Есть, штурманская. В гиропосту на вахту по боевой готовности номер два подводная заступила первая боевая смена. Старшина команды мичман Кириллов, – и добавил, чтобы напомнить: – Виктор Васильевич.

– Есть, Виктор Васильевич! – Вова доволен, напряг подчиненных окончен. Строевая и политическая подготовка с мичманами проведена, можно ставить галочку.

Старшине команды ЭНГ Виктору Васильевичу и технику ЭНГ Петру Ивановичу было под сорок каждому, и для них шла тридцать восьмая автономка на двоих. Петруха их опыт сразу оценил по достоинству, а спустя время, необходимое для притирок, друг друга зауважали, и служебные отношения стали доверительно-дружескими.

Заходит в рубку Андрюша – прикомандированный, пока без экипажа лейтенант – выпускник ВВМУ им. Фрунзе.

– Слушай, Андрей – говорит ему штурман, – заканчивай командира доводить, он же тебя в трюме сгноит.

Кэп Журавлёв тоже «фрунзак». С первого дня они схлестнулись в битве интеллектов: один другому доказывал при каждом удобном случае и по малейшему поводу, что тот неправ и абсолютно в штурманском деле не разбирается. При этом если командир был огромный рыжий здоровяк, любивший, а главное – умевший смачно наорать и заковыристо обложить по полной, то лейтенант представлял собой маленького, щупленького интеллигента, всегда невозмутимого. Не в правилах у него выходить из себя при любых «наездах».

– Но он же вас, Владимир Викторович, – обращаясь к штурману, отвечал юный «фрунзак», – под тюрму подведёт со своим БИУСом (боевая информационная управляющая система).

– А ты лист на допуск инженера ЭНГ хочешь закрыть? Вон Витёк уже закрыл, – сменил тему штурман.

Виктор – это ещё один прикомандированный лейтенант, тоже пока без экипажа, но выпускник ТОВВМУ.

Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова в настоящее время – высшее учебное заведение Министерства обороны Российской Федерации, расположенное во Владивостоке. С момента своего основания училище является единственным военно-морским учебным заведением на востоке страны.

Он «фрунзаку» Андрюше говорил:

– Я же тупой, из ТОВВМУ. Вот и сдал сдуру, теперь вахту стою, а ты, Андрюша, умный. Жрёшь, спишь, да на клапан сонный давишь: сначала галюн, затем харей подушку плющишь.

Через четыре года, перед самым отъездом на «классы», Петров его встретил, у того на груди красовалась «командирская лодочка». «Тупой» в 27 лет сдал на допуск к самостоятельному управлению атомной подводной лодкой. Витя Т. – хорошо известная личность в Тих-асе.

Андрюша расплылся в своей по-детски открытой улыбке:

– Витя же из ТОВВМУ. Оттуда даже штурмана минёрами выходят.

В это время Витя заворочался за шторкой, умудрившись каким-то образом расположиться на диванчике, заваленным пятью ИДА-59.

– Слушай, Андрей, – вмешался в разговор Петруха, – на тебя мичмана жалуются, ты зачем по гиropoстy в трусах ходишь?

У лейтенанта округлились глаза:

– Так я же там сплю.

– Спи в трусах, ради бога, но матросам зачем свои неуставные с сердечками демонстрировать? Есть же «разуха»³.

– Мичмана да матросы – вообще-то мои подчинённые, я и в исподнем для них начальник.

Народ понимающе заулыбался. Среди морских офицеров признано, что у выпускников ВВМУ им. Фрунзе культивируется «снобизм белой офицерской кости». Им вбили в элитный мозг, начиная с курса молодого бойца в лагере, что у штурманов в жилах течёт голубая кровь. Как у славных последователей Ушакова, Апраксина, Лазарева, Крузенштерна, Нахимова, Истомина, Колчака, Шмидта и ещё более двухсот известных адмиралов. Морское братство снисходительно к этой слабости относится и принимает их «величие» с юмором, так как по опыту известно, что пара лет на подводном флоте из любого отъявленного гордеца сделает правильного человека.

– Ты в штурманской хочешь остаться или тебя в гиropoст опять отправить? – поставил вопрос ребром Вова.

– В штурманской, – без раздумий сдался лейтенант. – И обещаю не бесить командира

---

³ Одноразовое нижнее бельё.

ПИСЬМА МАМЕ

Дружбы на флоте Андрей завести не успел, а поделиться накопленными переживаниями жуть как хотелось. А кто внимательно выслушает и лучше поймёт, как не мама? Поэтому он писал ей подробно и исправно.

Одно из писем в те славные времена для ВМФ СССР адресату доставлено не было, так как отдельные сведения содержали государственную тайну.

«Дорогая мамочка!

Если бы ты знала, как я по тебе соскучился. Я сейчас всё готов отдать за то, чтобы оказаться рядом с тобой в замечательном городе на Неве. Мне часто снится родной Васильевский остров, набережная Лейтенанта Шмидта, вид на одноимённый мост и Адмиралтейство из окон училища.

Как я сейчас жалею не об упущенном красном дипломе, а о выпитом на стажировке стакане бражки, из-за чего вместо «Акулы» под Мурманском попал в худшее место на земле – Приморье, бухту Павловского, да ещё на обычные «букахи». В первый день флагманский штурман флотилии меня так сходу и спросил: «Ну, и за что тебя сюда сослали?» Мама, здесь служат только ссыльные.

Мою должность на лодке занимает Пётр Петров, он из ВВМУППа, тоже по залёту, но причался на службу на две недели раньше меня и даже с молодой женой. Поэтому я теперь ношу позорный статус «прикомандированный». Ты же помнишь, как я не хотел ехать в Тьмутаракань после выпуска, как и первого лейтенантского отпуска. Но я рад тому, что меня просто прикомандировали, и ни за что не отвечаю. У меня, признаться, культурный шок. Я с ужасом представляю, что стану таким, как Кэп. А ведь он тоже выпускник нашей системы, самой элитной в стране бурсы.

Не могу постичь, как можно предать идеалы, привитые в училище? Офицер – это символ культурного, образованного, интеллигентного моряка. Мы же в роли отцов для своих подчинённых. Я так и отношусь к мичманам, хотя они старше меня лет на пятнадцать.

Должен тебя огорчить – твоей мечте о том, что я буду играть на белом рояле в кают-компании, не суждено сбыться. Не столько из-за того, что места на подводной лодке нет для рояля, сколько потому, что играть здесь не для кого – одни ватники, изредка канадки.

Не могу и не хочу забывать уважаемых и заслуженных преподавателей, их творческий и тонкий педагогический подход, умение всё доступно объяснить.

Первой полученной рекомендацией от штурмана Владимира Викторовича было:

– Забудь всё, чему тебя учили, – и последовала выдача листа на допуск к самостоятельному несению штурманской вахты, – две недели, потом начну наказывать.

Мама, в том листе сто вопросов, а попросить объяснить некого. Теперь я понял, почему на флоте ни у кого нет системного образования.

Штурман, в принципе, добрый человек, на два года старше меня, из ВВМУППа, но лейтенантом пережил тяжёлый период становления в экипаже Полякова. После этого никакой дурдом не страшен. Он готов исполнить любой, даже самый дурацкий, приказ командира. Про него расскажу в другом письме.

Меня охватывает печаль, когда я смотрю на Кэпа. Он рулит на корабле двумя злобными старпомами. Эти звери из ТОВВМУ. Оба к тому же минёры, и этим всё сказано: в голове у каждого всего две извилины – по числу проводов в торпеде. Когда в училище шутили про минёров, что эти подводники «тупые и решительные», не мог себе представить, насколько они в этом преуспели.

Выпускники ТОВВМУ, все как один, карьеристы. Для них главное в жизни – командирский мостик. Всё человеческое, не говоря о Рерихе и Шопенгауэре, им чуждо. Старпом

Маркель меня на третий день выгнал из кают-компании за то, что я якобы пришёл туда в РБ, а не в кремовой рубашке.

Унизил и выставил посмешищем перед остальными офицерами:

– Ты бы ещё пришёл в кают-компанию в красных трусах.

По кораблю к тому времени пронёсся слух, что я по гиropoстy (моё спальное место, ибо место в каюте прикомандированному не положено) хожу в трусах с сердечками, которые ты мне с любовью подарила на удачу, моя понимающая мамочка. Говорю тебе, эти люди понятия не имеют об этикете. Разве офицер может так поступать с другим офицером? Что с того, что он третьего ранга, а я – молодой лейтенант? К тому же мой боевой номер не был пришит, а торчал из верхнего кармашка. За что он меня наказал, приказав сдавать устройство корабля. Это ещё один лист, но в нём около двухсот вопросов. Я ему сообщил, что у меня пока нет времени на общекорабельные системы, так как закрываю лист по штурмании.

На мои доводы он опять необоснованно наорал и высказал в грубой форме, что если я через месяц не закрою лист по ОКС (общекорабельные системы), то меня ссадят с корабля в Ракушке, и мне придётся вечно жить без экипажа, прикомандированным, без перспектив стать адмиралом. Теперь я параллельно изучаю тупое устройство паротурбинной установки. Плюс ядерную физику с разделением каких-то частиц. Девятый турбинный отсек – это просто жуть, по-настоящему гиблое место, где служат чудовищные люди – надо также знать. Хотя их основная задача на вахте – затаиться и убить... таракана, который по наивности пытался пробежать мимо. Мама, так безжалостно нельзя поступать!

Маркель мне говорит, что каждый «люкс» должен знать устройство корабля не хуже механиков, причём аргументировать свою мысль не в состоянии. Говорит, что после первой аварийной тревоги сам пойму. Задаюсь вопросом: зачем тогда нужны «маслопупы»? Их прямые обязанности: вентили крутить, обеспечивать жизнедеятельность корабля и бороться с авариями. Где штурман, и где турбина? Одно могу сказать определённо, я рад, что не поступил в Дзержинку. На подлодке никто ничему не учит, все только спрашивают да наказывают. Это ещё один минус. Приходится осваивать матчасть самому. Обстановка, мягко говоря, враждебная.

С боевым номером тоже приключилась неприятность. После того как Маркель меня унизил, я пошёл в гиropoст и отдал приказ матросу пришить мне номер на РБ, а сам сел изучать устройство главного турбозубчатого агрегата (некоторые умники говорят: аппарата). Старшина команды мичман Кириллов увидел бойца за шитьём, наорал на него и со словами «кто твой начальник?» выхватил у того РБ, представляешь, и кинул в меня. Вообрази моё негодование! Какой-то старший мичман вытолкнул меня вшаей из моего же гиropoста. Благо воспитание не позволило опуститься до драки с подчинённым. Что удивительно, но штурман (раньше думал, что у Владимира Викторовича фамилия Айлов, его так мичмана называли) меня не поддержал:

– Ты, – говорит, – зачем матроса заставил шить, сам не можешь, что ли? Руки у тебя есть, с головой, правда, пока плохо. С Кирилловым я разберусь, но ты свои замашки бросай. В гиropoсту он хозяин, а ты вообще прикомандированный.

Печально, что выпускники ВВМУППа прониклись гнилым демократизмом и либерализмом. Панибратство до добра не доведёт. Им бы сюда старпома с линейного крейсера «Александр Невский», тогда бы он матросам и мичманам показал их место под ядерным реактором. Здесь же чуть ли не все равны. Штурмана дружат семьями с мичманами. Как такое возможно?

На корабле хуже Маркеля только старший помощник командира Колесо. Тот вообще на занятиях по борьбе за живучесть гоняет «люксовых» капитан-лейтенантов по трюмам, в поисках клапанов, а тем только в радость. Не пойму, за что его всего любят: наверное, за то, что в свободное время заставляет изучать гидравлическую систему вместо чтения Льва и двух Алексеев Толстых? У меня идейный конфликт с Кэпом. Он ничего не смыслит в штурманском деле, а я, ты знаешь, как отношусь к невежеству. Я нашёл причину, из-за которой у штурмана

Айлова возникают ошибки в счислении. Дело в том, что навигационный комплекс производит вычисления в «цифре», а планшет, на котором лежит карта, – аналоговый. Зайчик, который подсвечивает место корабля на карте, приводится в движение рулевыми машинками, шестерёнки которых иногда заедают. Я это обнаружил и решил штурману Владимиру Викторовичу помочь. Вручную незаметно подкрутил место корабля, и ввёл поправки в навигационный комплекс. Делал полезную работу, но тактично ему об этом не сказал, чтобы не афишировать его грубый промах. Скромно удалился в турбинный отсек искать главный упорный подшипник. Примерно через час, так его и не найдя, вернулся в штурманскую. Кэп с ГКП орал по «Каштану» на Владимира Викторовича за то, что тот плохо управляет навигационным комплексом, и вынуждал его включить эхолот, так как возникло подозрение, что счислимое место у нас убежало. Я командиру прямо на ГКП так и сказал, что он не понимает элементарных вещей – разницы между цифровым и аналоговым счислением, и что механические машинки планшета могут заедать на поворотах. Зайчик в таких случаях, естественно, убегает. А эхолот у нормального командира должен быть всегда включённым.

Айлов тогда сразу догадался, что я знаю о его промахе, и просто спас меня от разъярённого командира, оттащив в штурманскую:

– Тебе кто про зайчик рассказал? Ты что, поправки вводил, дурилка картонная? Посмотри на графики, все три канала вразной засакали, ты своими правками их возмутил, пришлось их даже временно отключить. Теперь сутки будем плыть без комплекса, по счислению, бог знает где. Невязку, боюсь представить, какую, уже намотали.

Одним из главных преимуществ выпускников нашего училища является то, что мы не боимся признавать ошибок.

Теперь ты понимаешь, в каком жутком месте я оказался? Надо бежать на политзанятия. Новости в следующем письме. Мама, я тебя люблю. Очень сильно...»

По классике сюжета лейтенант должен был закончить так: «Дорогая мама, передаю тебе письмо с последним водолазом, возможно, больше не увидимся». Но врать не будем, жизнь продолжается. И лейтенант продолжал своё жизнеописание, адресованное самому близкому человеку.

«Дорогая мамочка!

Обещал писать тебе каждую неделю, но не заметил, как прошло уже два месяца на корабле. Под водой время остановилось и не движется, а после всплытия, оказывается, пролетело стремительно. Через неделю конец автономки, обязательно отправлю тебе это письмо.

Не так всё плохо, как казалось изначально, жив, здоров, осознанно сражаюсь за Родину. Уже много чего знаю и умею. Я хоть и прикомандированный, но поспать удаётся всего по 4—6 часов. Штурман Владимир Викторович, которого в гиропосту называют Айлов, затыкает мною все мероприятия. Им на корабле не счесть конца. Это – мой крест, или, лучше сказать, вклад в общее штурманское дело.

Занятия по специальности сменяются тренировками по борьбе за живучесть. После обеда, как правило, политзанятия либо комсомольские собрания, ежедневные отработки по учебно-аварийным тревогам. Много времени уходит на самообразование. С большим удовольствием изучаю инструкцию по эксплуатации навигационного комплекса. Перечитываю второй раз, не поверишь, но нравится уже больше, чем труды Алексея Толстого, ибо полезнее, да и штурман доволен.

В минуты слабости, которые могу себе позволить, являясь потомственным интеллигентом, завидую древним «механическим капитанам». Им уже по 28 лет, всё знают, всё умеют и могут себе позволить посвятить свободное от вахты время (да и во время вахты тоже) духовному самосовершенствованию.

За текущее боевое дежурство случилось уже пятнадцать не учебных, а реальных аварийных тревог. На корабле крысы зачастую залезают в РЩ (распределительные электрощиты), тогда разносится трезвон аварийной тревоги: «Пожар в таком-то отсеке».

Наш доктор – штатный крысолов, но это не его специальность. Он окончил военно-медицинскую академию в Ленинграде, талантливый хирург, фанат медицины. Ему для профессионального роста нужен операционный стол и тяжёлые больные. Вместо этого он миксует яды для грызунов и ведёт приём симулянтов с 09 до 12 утра. Служба на корабле для него – осознанный путь деградации, но он держится.

Моё место для сна по-прежнему в гиропосту, но я предпочитаю оставаться в штурманской рубке. Сплю на диванчике среди ИДА-59 – спасательные средства на все случаи, полезная вещь. Крысы сначала очень мешали, но я к ним привык, хоть какая земная живность рядом, живучая, как мы. К штурманской вахте я давно допущен, теперь стою дублёром со штурманом, в одно время с командиром.

Первые дни меня подавляла неоправданная, как мне казалось, агрессия со стороны командира и старпомов. Своего родного штурманёнка Петрова, тупого выпускника ВВМУППа, которого даже жена бросила, они жалеют, отыгрываясь на мне, прикомандированном. Но я терплю, как выпускник ВВМУ им. Фрунзе, потому что знаю, что кроме моего дедушки многие адмиралы были выпускниками этого славного училища.

Я окреп. Пока не очень, но проникся мужским духом, преобладающим на флоте. Здесь не принято церемониться. Говорят как есть, лечат косяки ментальными подзатыльниками, а нередко – тактильными. Такие правила игры. Командиры не должны быть добренькими. По той простой причине, что на кону реальные человеческие жизни.

Экипаж очень опытный и обученный. Старпом – давно созревший командир: оторвавшись от корабельной повседневности, витает на пару с Кэпом в высях боевой стратегии. Маркель первый год как СПК БУ, за старпома рулит экипажем, с первого дня встал на командирскую вахту, Кэп ему доверяет. Помощник после автономки уходит старпомом в другой экипаж, на его место назначают нашего минёра, который всего второй год на лодке! Естественно, он ТОВВМУшник – обожает карьерный рост, к тому же по фамилии Якименко. Я разгадал тактику выпускников ТОВВМУ. Тупыми они только прикидываются, чтобы оставаться «военными».

На флоте все военные делятся на «военных» и «невоенных». Мам, чтобы уяснить мою мысль, представь на минуту, что мне рассказали. База Западная Лица в Заполярье. Конец сентября. В небе пару раз наблюдалось северное сияние, на земле натоптанный не первый снег. Для экипажей, которые не в море, введён обязательный ПХД (парково-хозяйственный день), естественно, в законный выходной субботний день, с девяти до тринадцати. Шабат по-флотски. Офицеры-мичмана наравне с матросами метут дорожки.

Пока «невоенные» военные задаются вопросом «какого хрена?», «военные» разбирают лучший инвентарь. Поступает новая вводная. Пришли саженцы берёз. Экипажу раздают ломы, чтобы ими взломать место посадки растений. Грядёт абсолютно безнадежное дело. Слабым корешкам саженцев берёз нет шанса пробиться без солнца за Полярным кругом. «Невоенных» военных терзает вопрос «зачем в вечной мерзлоте на зиму сажать деревья, они же погибнут?», «военные» тем временем обкладывают посадку камнями, чтобы деревья продержались, не упав до обеда. Проревела сирена воздушной тревоги, обозначив полдень – время побудки жён офицерского состава, а нам – время сдавать инвентарь, но тут, как всегда, вдруг оказывается, что берёзки похоронены всего на метр от дороги, а приказ был – полтора. «Невоенные» бросают ломы и разбегаются по домам, а «военные» остаются за трусов выполнять двойную работу.

Для себя я решил, что должен стать командиром. Этот путь для настоящих «военных». Мне предстоит научиться абстрагироваться от здравого смысла, справедливости, целесообразности в гражданском понимании. На службе логические цепочки идут в обратном направлении.

нии. Приказ – всему голова. Если он отдан, значит, над ним кто-то уже подумал. Какой смысл в двойной работе?

Оказывается, Маркель решил сделать из меня человека, слепить из глины офицера. Все зачёты принимает лично, уделяет пятнадцать минут во время своей вахты. Я на память описываю устройство каждого отсека. У него всегда заготовлен каверзный вопрос. Методы при этом самые непедagogические, но максимально эффективные. На корабле меня уже прозвали «Хочувсёзнять».

Пока не знаю, что ожидает на берегу. Сходить с корабля как-то страшно, привык к размеренному ритму автономки. Да и расставаться с этим экипажем не хочется, только наладил взаимопонимание с гиropостом. Отправлю письма по прибытии, позже напишу про Тихас.

Береги себя. Люблю. Целую. Моя любимая мамочка».

И так получилось, лейтенант Андрей написал последнее письмо.

«Дорогая мамочка!

Спешу тебя обрадовать. Меня назначили командиром электронавигационной группы в экипаж Шалимова. Таким образом я перескочил через должность инженера! Я очень рад, так как Валерий Яковлевич у подводников дивизии на хорошем счету. Представляешь, меня ему рекомендовал Маркель, который за три месяца пинками под зад, прости, это не моё, но его образное выражение, из меня сделал не человека, но настоящего специалиста. Жаль с ним расставаться.

Жизнь бьёт ключом. После автономки экипаж попал под эксперимент московских медиков, и я вместе с ним. Вообрази, три километра кросса по сопкам на следующий после возвращения с морей день. Спасибо, что разрешили хоть кеды надеть. Во время бега я чуть не задохнулся. Не представляю, как выдержали мичмана, кому за тридцать.

На подводных лодках в воздухе высокое содержание вредных примесей, которыми организм просто отравлен. Нужно время, чтобы очиститься и восстановиться. В первые дни до казармы с одышкой доходил не я один, а здесь – кросс. Наверняка послали в Москву победную реляцию, значит, какой-то экипаж, проклиная нас, побежит пять километров. Кто, как не подводники, поможет докторам выяснить пределы выносливости человеческого организма?

А вообще, теперь я очень счастлив, что попал служить в Приморье, хотя и по залёту. Не сравнить ни с Камчаткой, ни тем более с Северами. Кому рассказать, не поверят. У нас офицеры и мичмана прибывают на службу к девяти утра, к проворачиванию, а не к восьми, на подъём флага, как везде. Служба до обеда, а затем по приказу командующего флотилией Храмцова все экипажи в полном составе с матросами отправляются на пляж купаться и загорать. Ровно в шесть все разъезжаются по домам. Военный маразм сведён к минимуму. Ну а море – это святое. Там служим по полной.

Я обрадовался, когда штурман позвал меня на пикник.

В дивизии экипажи собираются на шашлыки в лесу, на берегу местной речушки. Это традиция. Интересно увидеть офицеров и мичманов во внеслужебной обстановке и гражданской одежде. Люди неожиданно показывают себя совсем с другой стороны. Особенно командир. Он – центр притяжения не только на лодке, но и у костра, у него в запасе полно историй. Горжусь, что в той компании мы с ним были единственными фрунзаками.

Принёс с собой ноль пять чистого и неразбавленного шила, что народ оценил по достоинству:

– Джонсон, никак получил допуск к шилу? Продолжаешь прогрессировать в лучшую сторону. Может, из тебя что-нибудь толковое да получится.

Мичман Григорьев, с которым у меня поначалу был страшный конфликт в гиropосту, сказал, что старлея я через год получу без проблем, а вот чтобы стать в срок капитаном, придётся к нему обратиться, поможет. У Петра Ивановича какие-то связи в отделе кадров флота.

Я сначала долго не мог понять причину дружеских взаимоотношений офицеров и мичманов, но потом до меня дошло. Это жёны. Военно-морским флотом на самом деле рулят жёны. Пока мужья героически в морях, они налаживают между собой тесные связи и дружат, формируя свои экипажи, дивизии и флотилии, со своими же командирами. Проблемы у них общие: дети ходят в одну школу или садик, часто болеют. Кто подстрахует с малышом, пока надо сбегать в магазин – только соседка-подруга.

Женская дружба сильнее военной субординации их мужей. Приходишь домой, а жена тебе сообщает, что сегодня вечером идём в гости к заместителю командира дивизии, которого ты как огня боишься. Для каждого флотского офицера семья значит нечто большее, чем простая социальная ячейка общества – скорее, это центр Вселенной.

Я проживаю в двухкомнатных апартаментах. Нас там пять офицеров. Три женатика, к одному жена еще не приехала. Постоянно в квартире находятся только наши вещи да Таня с Катюхой. Обе беременные.

Вспоминаю, как полгода назад впервые увидел Катюху на автовокзале. Она стояла рядом с чемоданами с маленькой сумочкой в руках. Человек из иного мира, заброшенный неведомой силой прямо с небес в самое пекло грешной земли. Сейчас она уже на шестом месяце, и у неё невероятно огромный живот. Не представляю, как эти домашние девочки здесь выживают.

Больше всех не повезло Тане. Мишка Гришьян попал в экипаж к Полякову. Его с первого дня посадили без схода. За полгода пару раз отпросился в гидрографию, чтобы заскочить по дороге к жене. Его там прессуют конкретно. В сравнении с его началом службы, мне следует только прыгать от радости, хлопая в ладоши.

К тому же лодка Полякова до автономки из морей не вылезала. Теперь Тане недолго осталось ждать, уже скоро вернутся и сдадут корабль. В отпуск собираются в Ленинград, хотя могут и остаться. У Тани тяжело проходит беременность. Я как-то раз пришёл домой, а у неё температура под сорок. Она была очень напугана, еле уговорил отвести в больницу. Оказалось, почки застудила, пиелонефрит. У нас же кроватей нет, спят на матрасах, прямо на полу. Меня в больнице приняли за потенциального отца и обругали за то, что поставил под угрозу жизнь ребёнка, надо было скорую вызывать, а я и не знал, что она существует в посёлке. Теперь мне известно, что главный человеческий орган – это почки, как у женщин, так и у мужчин. За ними нужно следить всегда.

Сначала две недели Таня пролежала с почками, потом её положили на сохранение. Оказывается, и роддом есть в посёлке. Мы по очереди её навещаем. Бедная, ждёт не дожждётся своего Мишку.

Таня с Катей у нас под опекой свободных от вахты лейтенантов. Посёлок Тихоокеанский похож на огромный детский сад. Идешь, а кругом рассыпаны маленькие дети, со всех сторон бегут к тебе разноцветные шарики и кричат: «Папа, папа». Мы же все одинаково выглядим в форме. Смешно, а у матерей слёзы наворачиваются.

Особенно весело под Новый год. Поскольку у каждого экипажа свой Дед Мороз и Снегурочка, в предновогодней суматохе наш маленький посёлок просто кишит слегка подвыпившими сказочными персонажами, спешащими навстречу друг другу – успеть до наступления ночи передать подарки детворе. Это же целая детская трагедия, если кому долгожданный подарок не достанется. В Тихасе дети ещё верят в Деда Мороза.

С отпуском мне не повезло. Экипаж Шалимова только принял корабль, поэтому впереди опять полный круг. Сначала отработки задач в море, а затем – боевая служба. Получится две автономки подряд. Завидую чёрной завистью Петрову. Ему сначала грозило двадцать суток профотдыха старшим в санатории с матросами, но потом вспомнили о провинившемся КГСе (ракетчик, командир группы старта) Серёге. Теперь у штурмана впереди девяносто суток отпуска с семьёй. Лучший период в жизни офицера, не считая переподготовки в учебном центре.

Пока все новости.

Береги себя. Люблю. Целую. Твой сын».

В очередном выходе в море у Андрея неожиданно развилась непонятно откуда появившаяся пневмония, вызвавшая отёк лёгких. Корабельный доктор спасти жизнь молодому офицеру не смог. Светлая память Андрею Иванову, штурману из ВВМУ им. Фрунзе, навсегда оставшегося лейтенантом.

Все лейтенанты пережили трудный период становления как офицеры. У каждого на корабле был свой Маркель, которому останемся благодарными на всю жизнь. Ну а главным нашим учителем было Море.

ПОЛЯРНЫЙ

У Борисова началась рутина с частыми выходами в Баренцево море. Неожиданно ввели ГЭУ (главную энергетическую установку, проще говоря, реактор), НКСО-72 (навигационный комплекс), пошли прибрежным маршрутом в город Полярный в Пала губу для докового осмотра перед автономкой. Лейтенант Борисов выходил из штурманской рубки только поесть и пописать. Пары часов сна на лежанке с ватниками, укрывшись штурманской канадкой, более чем достаточно для молодого организма.

Доковый осмотр состоялся быстро. А тут незадача – дан приказ размагничиваться. Молодой лейтенант знал, что это полный ад. На стажировке, вместе с будущим командиром его крейсера Юрием Петровичем, когда тот был ещё старпомом в экипаже Ржанова, постиг сие затейливое ремесло в полной мере. Заедались плюшками от повара киргиза, очень вкусно, до тошноты.

В первый день после докования в Полярном встали на бочки в Пала губе, привязались накрепко. Привычка – в Гремихе постоянно задувает. А здесь погода потрясающая, полный штиль, полярная ночь, зима и морозно. Небесная твердь усеяна сине-белыми звёздами, Луна озаряет акваторию и подводный крейсер. Запорошивший ракетную палубу снег хрустит под тапочками, как в деревне у бабушки. Звёзды может лицезреть только штурманёнок, другие геройские члены... экипажа «К-279» заняты битвой. Под команду: «И, рrrrrраз!» – тащат со всем усердием кабель! Для чего? Чтобы размагнитить корабль. Обычными человеческими ручками тянут жилу толщиной с детородный орган жеребца. Необходимо весь стальной огурец, аккуратно покрытый резиновыми матами, обвить кабелями поперёк.

Проще задачи не бывает. Всё как на флоте: одна толпа любителей морских будней «выбирает» – самоотверженно тянет на себя, другая «травит» – отпускает за борт. Практический нюанс заключается в первом витке, который надо сделать тросом, накинув его на нос крейсера. Сделать сей трюк не так просто – осадка подводного чёлна больше восьми метров. Дальше – проще, к тросу привязывается кабель. И всё повторяется. Важно больше травить, иначе кабель зацепит разные подводные выдвижные приборы.

Засим приедут пьяные специалисты на судне размагничивания, дадут электрический ток и размагнитят прочную железяку. Задача весьма недурственная – под водой лодку не узрят магнитометры супостата, и можно будет безболезненно усыпать территорию врага ядерными бомбами, если что.

Экипаж тужится, старается, вообще не получается. Тут на буксире, воодушевлённый после посещения штаба флота, приплыл командир парохода Виктор Алексеевич Журавлёв.

Сходу благословил старпома:

– Павел Михайлович, что вы тут возбуждаете кобыле хвост?

Посмотрел на измотанный экипаж, продолжил, смягчившись:

– Такая у нас задача, завтра судно размагничивания подойдёт, надо успеть. Какие есть предложения?

Тут лейтенант Борисов бодро докладывает:

– У меня есть предложение, знаю, как правильно обмотаться.

Журавлёв выслушал и распорядился:

– Старпом, делать, как лейтенант скажет.

И спокойно ушёл, был уверен: приказ будет выполнен.

Виктор Алексеевич Журавлёв начинал карьеру с дизельных подводных лодок, сам из штурманов, но это Борисову не давало повода расслабиться, так как командир знал штурманскую службу изнутри. Командиром на «К-279» назначен в 1976 году. В период с 1978 г. по 1981 г. лодка находилась на «Звёздочке» в любимом городе подводников Северодвинске для

производства среднего ремонта. Командир – капитан 1 ранга Голенков (командир сменного экипажа «К-279»). Журавлёв с боевым экипажем обкатывал другие резвые мустанги проекта 667Б, базировавшиеся в Гремихе, полторы автономки в год. В 1982 году экипаж подводной лодки выступил инициатором социалистического соревнования в ВМФ под девизом: «Мирному труду советского народа – надёжную защиту!». В ноябре 1982 года экипаж занесён на Доску Почёта передовых частей и кораблей Министерства обороны СССР. В 1982 году с подводной лодки «К-279», лежавшей на грунте, была произведена ракетная стрельба, командир – капитан 1 ранга Голенков. Да, атомоходы могут лежать на грунте и стрелять! В 1982 – 1983 годах «К-279» под командованием капитана 1-го ранга Журавлёва и капитана 1-го ранга Голенкова была направлена в Белое море для несения боевой службы подо льдами, в течение всей зимы. В замкнутом пространстве, откуда выхода практически не было, лодка находилась на боевой службе 164 суток, до начала таяния льдов. Смена экипажей была проведена в Белом море с ледокола «Пересвет» при участии ледокола «Капитан Николаев», на котором сменный экипаж был доставлен из базы дислокации к месту всплытия подводной лодки, а также счастливый и невредимый сменившийся экипаж убыл на базу.

С очередной сменой тягать кабеля толщиной в обхват руки на свежий морозный воздух вышел Андрей Терещенко КЭТГ (командир электротехнической группы), такой же лейтенант, как штурманёнок. Стоит в фуфайке, переминается с ноги на ногу, холодно, однако. Наблюдает картину: Боря в одной канадке, капюшон накинут, зато в ватных штанах и валенках, ему, гаду такому, точно не холодно. Одна рука в кармане, другой даёт ценные указания. Андрею подумалось: «Прыткий лейтенант, уже всем экипажем командует, походя, с рукой в кармане. С таким задатком командиром будет!»

К утру работы выполнены, Борисова взрослые механики с ракетной палубы прогнали, как поняли, что надо делать, обмотались кабелями, подошло судно размагничивания. На удивление команда оказалась трезвой. Выполнили свою работу, подмахнули акты. Ура, размагнитились!

Поспали пару часов после нелёгкой работы, и появилась возможность отдыха для души с посещением музеев и театров города Полярный. Гремиханцы впоследствии часто заходили на доковый ремонт, находили друзей по училищу, крутых на всю голову дизелистов. Одноклассники Борисова Андрей, сын Вали, Олег Бондарь, Костя Лашин – базировались именно там. Непременно посещали с друзьями местные рестораны с колоритными названиями: «Бар Сук» (Барсук) и «Половая щель» (Пала губа) – великая честь для обычной столовой называться интимно, поэтому эстеты её прозвали «Сугробом» (Снежинка), чуть позже – «Ягодницей» (Ягодка). Военно-морской юмор безграничен. У дизелистов служба жёсть, поэтому и названия соответственные у абсолютно в этом не повинных заведений.

В общепите спиртного не подавали. Происки это политотдела или Горбачёва, сейчас не важно, важен факт его отсутствия. Поэтому разливали в стаканы сок из графина, ровно до его половины, и под столом добавляли в графин шило. Сок становился намного вкуснее. Дизелисты были гурманами, попробовали яблочного графинчик, затем аналогичные порции сливового и томатного вкусного сока. Души раскрывались, делились лейтенантскими впечатлениями.

Потом неизменно следовали возгласы:

– Третий тост за тех, кто в море!

Жизнь лейтенантов отличалась от курсантской. Даже несмотря на сравнительно небольшой разрыв между датой выпуска и датой встречи на службе, получаешь удовольствие от созерцания родных лиц, с которыми учился целых пять лет, с отдельными экземплярами, питонами, аж семь лет. Засим, усугубив, двигали на корабль.

Один раз на КПП турбиниста, отметившего встречу с друзьями-дизелистами и пребывавшего в лёгкой степени человеческого состояния, что выражалось в неуверенном держании тела в меридиане, задержали вохрушки.

Женщина, человек с ружьём, преградила дорогу:

– Нельзя в таком виде на корабль!

Андрей Борисович – человек образованный, в культурной столице учился пять лет, даже смог избавиться от донецкого акцента.

Тем не менее поинтересовался:

– Сколько шагов до корабля, бортовой номер 815?

– Метров триста.

– Неужели вы думаете, что офицер-подводник, элита ВМФ, не сможет проползти триста метров до своего ракетного подводного крейсера?!

Вохрушки – как правило, женщины с трудной судьбой, наделённые правом пропускать или не пропускать на закрытую территорию лиц мужского пола, по установленным правилам. Но в правилах всегда есть счастливые исключения, и человеческий фактор всегда играет решающую роль.

Подмигнёшь, бывало, спросишь:

– Вас как зовут, леди? Вы такая загадочная! – пропустит точно.

Андрея пропускали.

Заходили в Полярный часто, служили на втором поколении атомоходов, в то время как моря уже вовсю бороздили лодки третьего поколения. Крейсер лейтенанта Борисова был хороший, ничего серьёзного не ломалось, но непрерывная боевая подготовка, моря, задачи и автономки требовали частого осмотра корпуса в доке ПД-65 или 63, ну и так, по мелочам механическим ремонтировались. Схема схода на берег была отработана. Программа отдыха системна. Но один раз система дала сбой, и очень серьёзный.

Дизелисты быстро выводили из строя атомоходчиков, а сами крепко держались на ногах. Борисову стыдно по сей день за один из эпизодов его начала службы.

На второй день после размагничивания ползёт по снегу после дегустации целительных нектаров в компании дизелистов. Неожиданно приходит осознание, что патруль может подобрать пресмыкающегося офицера. Проходную мирно не пересечь в состоянии ползком. Через забор надо быстро перелезть, потом бежать на лодку, чтобы вохрушки не смогли подстрелить. А какая скорость у рептилий хладнокровных? Рождённый ползать летать не сможет. Остатками здравого смысла принял решение замаскироваться в подъезде жилого дома. В тепле развезло окончательно, вырубился. Очнулся под утро в подвале. Темнота. Сначала думал, кирдык, шило неправильное вкушал – ослеп. В конце туннеля увидел полоску света и стал на ощупь выбираться. Как оказался в подвале? Не помнил. Испачкался, как бомж. Снял шинель, почистил снегом и пошёл нетвёрдым шагом на подъём флага. Историю эту никому не рассказывал, не хотел разочаровать сослуживцев, они радовались за лейтенанта, думали, с дамой ночь провёл.

Какая житейская мелочь, но офицеру важно в строю стоять на подъёме Военно-морского флага. На следующий день произошла поучительная история с командиром БЧ-5.

За успешное устранение остаточного магнитного поля подводного крейсера необходимо, по устной договорённости, ребятам с судна размагничивания презентовать 20 кг шила. Сергей Николаевич, отнюдь не древний главный механик, Борисову грело душу, что он тоже из питонов, нацедил канистру и собрался было в путь на благое дело.

Слава богу, вовремя предупредили друзья из особого отдела:

– Существует разработка, в связи с политикой партии по борьбе с зелёным змием, прошёл сигнал, что ты, Серёжа, собираешься вынести с завода крупную партию шила...

– Есть! Понял, не дурак, – ответил командир БЧ-5, собирая чемодан на вынос.

Как ни в чём не бывало минует проходную.

Вдруг трое набросились, один слева, другой справа, третий сверху навалился:

– Что в чемодане?

– Руководство к действию.

Открыли замки, а там битком полное собрание сочинений В. И. Ленина.

Оперативники недоумевают:

– Зачем вам Ленин?

Сергей Николаевич лишь улыбнулся и ответил:

– Это руководство к действию, а вы давно читали? Рекомендую.

НАЧХИМ

Борисов из морей не вылезает, бороздит Баренцевы просторы, опыта набирается.

Начхим на корабле, тем более на подводной лодке, крайне важный и любимый персонаж. Разные таблицы приоритетов значимости можно рисовать. Командир, он же Кэп, Папа и даже Капитан парохода – имеет непререкаемый авторитет.

Есть и другая система координат, где на первый план торжественно выдвигаются корабельный кок во главе с начальником службы снабжения – есть хочется каждому и несколько раз в день, увы.

Непререкаемо важен трюмный. Поел, что надо сделать? Правильно – поспать, а переработанные излишки отправить в дучку. Как без трюмного? Гальюн должен работать исправно.

А чтобы сон был крепкий и снились не черти в аду, а близкие люди и преданные домашние животные, необходимо тщательно контролировать химический состав воздуха. Чем и занят химик круглосуточно. Именно от хлопот последователя Менделеева зависит здоровый сон подводника.

Лодка бороздит полигоны боевой подготовки, в постоянной готовности нанести ядерный удар по вероятному противнику.

– Химик! Скотина! Урод! – заходит в штурманскую помятый от недосыпа Вова Кравченко, командир БЧ-1.

– Что, Владимир Анатольевич, тёлочки снятся? Покоя не дают? Подоить просят, аж мычат человеческим голосом? – в свойственной ему манере подкалывает Борисов.

Вова тяжело вздохнул, клешнёй поправил аккуратную клумбу вокруг лысины молодого капитана 3-го ранга:

– Если бы... Лавуазье Игорёк в судейской мантии приснился, гадёныш. Губами своими пухлыми перебирает, а голоса не слышу. Ужас!

– Ну и?

– Кошмары замучили. Раз сон перебил, спустился на палубу ниже, посмотрел по датчикам химический состав воздуха. Как не угорели? Командиру доложил.

После этого Вова неделю спал в штурманской, а Игорёку командир развальцевал дупло до кровяных мозолей, чтоб там пчёлы не селились и служба мёдом не казалась. Всё само собой как-то починилось и наладилось, состав воздуха стал как в Гаграх после майской грозы.

Химики – они этикие раздолбай, но с огоньком в глазах и неиссякаемым оптимизмом по жизни. Это такой человеческий подвид, что они даже похожи между собой. Пять лет учёбы в солнечном городе Баку накладывает свой отпечаток. Рассказ о начальнике химической службы «К-279» навеет схожесть сей породы у всех, кому приходилось сталкиваться по службе не только штурману Борисову.

Игорь оказался старше призыва лейтенантов в количестве восьми офицеров, включая Борисова, пришедших на корабль, ровно на три выпуска. Ходила легенда о том, как он танцевал лезгинку в ресторане «Промежность», что меж двух общаг в Гремехе находится. Во время представления экипажу лейтенанта, впитавшего энергию солнечного города и национальный колорит местного населения, Игорёку показалось скучным высокое офицерское собрание, проходившее без изюминки, напоминавшее банальную пьянку. Забравшись на стол, с кортиком в зубах, темпераментно исполнил зажигательный танец с саблями того самого Арама Хачатуряна.

Командир Журавлёв с трудом перенёс подобную выходку, но подача и кураж не могли оставить равнодушным:

– От души, джигит! Посмотрим на тебя в море...

Полярный. Доковый осмотр перед боевой службой.

Лейтенант Борисов получил допуск к дежурству по кораблю, для чего месяц с прочного корпуса не сходил, зачёты сдавал. Заступил дублёром дежурного по кораблю, дежурным – Начхим. Наставник обожал раздавать щедрые советы молодой поросли по-доброму, без бахвальства сыпал преимущественно налево, иногда направо искры небожителя. Экипаж после ужина рассосался по Палермо решать вопросы служебные, до которых руки днём не дошли, и непременно дела амурные, которые только ночами и спорятся.

Учитель бесцеремонно восседает в кресле командира (наглость несусветная):

– Лейтенант, буду спрашивать...

– Готов, как пионер, – Борисову уже довелось зачёты сдавать дотошному комдиву дивизиона живучести Гене Сизинцеву, высококлассному специалисту, лучшему в соединении, к тому же принципиальному секретарю партийной организации.

– Лейтенант, вот, например, ты всю ночь провёл в обществе обворожительной дамы, попутно перебрал лишнего. Как следует здоровье поправить?

– Пивка выпить.

Гуру с сожалением изрёк:

– Эх, где же ты пиво возьмёшь? Магазины ещё закрыты. Запоминай! Надо палочку бросить, а лучше две. Урок окончен. До свидания.

Не понял юный лейтенантский отрок с трёхлетним семейным стажем, что Начхим имеет в виду. Японских ресторанов «Две палочки» тогда в помине не было, впрочем, как и принадлежностей для поедания национальной еды с острова восходящего Солнца...

После дежурства Борисову довелось случайно встретить в городе сэнсэя. Игорёк шёл с двумя музами, они крепко держали своего мужчину под руки. Быстрым шагом, преодолевая ветер и снежную метель, спешили... Здесь до штурмана дошло: «Вот они, две палочки, такие милые и заботливые».

Нужно отдать должное учителю, он не оказался хвастуном и болтуном.

Игорёк тонко чувствовал окружающий мир таким, каким предъявил его создатель – ярким и разнообразным. В свободное время рисовал картины, очень вдохновлявшие чувствительную к прекрасному натуру Борисова. На одной из них изобразил строй бритых затылков в чёрной форме, окружённых забором с колючей проволокой. За ним – оазис с пальмами и стройными девушками в купальниках, принимающими безмятежно солнечные ванны. Как вам такой сюжет?

В человеке всё должно быть гармонично, поэтому Начхим обладал безупречными познаниями в РБЖ ПЛ (руководство по борьбе за живучесть) и умел бороться не только с пожарами и поступлением холодной морской воды под давлением, но и радиацией, которую руками не потрогать и глазами не округлить.

Судьба счастливым указующим перстом и минимальные служебные усилия вылепили из Игорька цельную многогранную личность подводника. Добродушный, щедрый на полезные советы Начхим всемерно помогал молодой поросли. Без тени сарказма подставлял плечо старшего товарища. На общественных началах из жалости к ближнему, сам того не желая, взял шефство над перспективным офицером Андреем Борисовичем, турбинистом, командиром девятого отсека.

Крейсер на базе, выход в море через четыре дня. Андрей живёт на лодке без схода, вечно что-то ремонтирует. Он постоянно помнит о боевой подруге, которая нянчит грудную дочу, рождённую в местной одноэтажной больнице, где даже нет горячей воды. Андрея мысль и радует, и отягощает: «Любимая жена и дочка рядом, через сопки, всего в четырёх километрах, считай, рукой обнимаю, а не сойти».

Служить Родине – обязанность почётная, поэтому даже во время стоянок на базе турбинисту приходилось быть вечно на корабле. Сейчас к жизни необходимо возвратить грёбанный сепаратор.

Андрей неосторожно поделился с химиком, знатоком воинских уставов и нюансов не понаслышке:

– Ума не приложу, стараюсь по службе, из кожи лезу... А меня всё чаще и глубже имеют во все технологические отверстия, с пролетарским активным упорством!

– Андрюша, и неудивительно. Ты всё делаешь не так... – Игорёк открыл школу жизни.

Начал с внешнего вида. Дал понять, что офицеру механической боевой части не следует постоянно надраивать ботинки, а в море – натирать до блеска тапочки подводника. Не надо «РБ» отглаживать и подворотничок каждый день пришивать, тем более – с особым тщанием бриться и духариться. Офицер должен быть до синевы выбрит и... нет, не вдребадан пьян, а облит одеколоном исключительно перед построением для подъёма Военно-морского флага. Бреется он, чтобы порадовать начальство, а спиртосодержащая жидкость ароматом похмельное амбре перебивает.

Подытожил о внешнем виде:

– Постоянно чистая рубашка и руки без грязи под ногтями не говорят о профессионализме, а «наоборот» указывают, что ты бездельник и боишься тяжёлой, грязной работы в турбине. Не забывай, ты – «маслопуп» и должен быть по природе своей грязным и зачуханным!

Далее химических дел мастер, дальний родственник Кюри, поделился холостяцким опытом, как правильно стирать рубашки. Минёр, к примеру, предпочитал метод сухой стирки. Накопит три грязных, выберет из них самую чистую, её и напялит на службу. Каждую использует пару раз и по второму кругу. Игорь предпочитал подгибать вовнутрь воротник рубашки, если появится устойчивая полоска от грязи. После последнего подворота от узла галстука торчали маленькие уголки, потерявшие свежесть, но всё же не такие чёрные, как от следа грязной шеи.

Начним раздухарился:

– И потом, только имитация бурной деятельности на флоте приведёт к незаслуженной, но всё-таки – награде! Ты спросишь, как её получить? А я тебе отвечу – создай проблему и сам её реши всем на удивление. Начальство оценит, может, и медаль дадут, – произнёс, многозначительно подняв палец. – Я тебе так скажу, на данный момент ты – ВОЗДУХ.

В этом Игорю можно верить, не зря говорят: «Химик на ПЛ – продавец воздуха».

– Кто?

– Воздух. Ты есть, но тебя никто не видит и не обращает на тебя внимания, как на Воздух. А вот случись, нет тебя, и все сразу: а где командир турбинной группы? Вот, как сейчас, твоих стараний никто не видит, кроме меня. И никогда не оценит.

– Ну и что? Зачем, чтобы видели?

– Эх, лейтенант! Службы не знаешь! Слушай сюда и учись: завтра пусть твои из 9-го отсека принесут в центральный... какой-нибудь клапан. Чтоб в масле он был, ветошь положи под него, чтоб центральный оставался чистым.

– Зачем? – удивился КТГ. – У меня реальный ремонт испарителя, скоро ж выходим на задачу. Без воды очень плохо!

– Слушай и не перебивай. Кто в центральном? Командир, командир БЧ-5, ну там штурмана в рубке, в другой – акустики сидят, да на Альфе люксы нежатся, так? Ну замполит может прийти. А тут – ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КЛАПАН НЕПОНЯТНЫЙ! Непорядок. Позвони на ПЭЭМку (плавмастерскую). Скажи, что клапан, мол, нужно срочно починить, выход в море срываете. Ну там, например, шток кривой, придумай сам. Ты ж «маслопуп». Тебя учили ремонтом заниматься или не учили? А дальше – действуй по ситуации. Да пребудет с тобой военно-морской бог, – благословил Начхим, давая понять об окончании урока.

Андрей Борисович, малый сообразительный, в душе атеистический карьерист, после этих слов свинтил к себе в турбинный механический лес обдумывать, как получить незаслуженную награду. На следующий день в центральном посту появилась железяка – клапан РДВ (регуля-

тора давления воды) от «УВА-25» – испарителя, которую с трудом притащили два матроса, ибо одному не унести.

– Ух! Тяжёлый клапана, мана, – на выдохе родил матрос Балтабаев.

Эффект ядерного взрыва – пустяки в сравнении с тем, что произвёл на жителей центрального этот КЛАПАН.

Дежурный по кораблю акустик Олег, в его дежурство всегда порядок, закричал:

– Уберите железяку! Охренели, вы ещё притащите графитовые палочки из ядерного реактора!

– Есть, так точно! Начальника турбина приказал, – доложил Балтабаев и испарился.

Исполнительный акустик Олег, как положено, передал клапан по вахте вместе с пистолетом. Никому, казалось бы, нет дела до клапана. Вдруг он попал на глаза командиру корабля Журавлёву. Не мог не попасть!

В девятом отсеке звучит команда по корабельной связи:

– Командиру турбинной группы прибыть в центральный!

«Отлично! – думает Андрей Борисович. – Пришёл мой час! Мой выход!»

И явился на голубом глазу пред светлые очи командира:

– Таищ командир, сейчас всё решим.

Зачуханный, по локти в грязи КТГ звонит на ПЭЭМку, как учил Начхим:

– Александр Петрович? Это командир турбинной группы, да, 815 бортовой. Вы у нас на прошлом ремонте в 8-м отсеке клапана притирали, помните?

В центральном воцарилась тишина...

– Очередная просьба к вам, Александр Петрович: снял я клапан РДВ-испарителя, нужно срочно перебрать его, притереть, скорее всего, седло на нём уже с дефектами, и завтра к вечеру доставить на борт. У нас испаритель без него не будет пресную воду варить... Как не сможете? Мы выходим через три дня... Понятно, – обречённо промычал в трубку КТГ.

Что тут началось в центральном, ни словом сказать, ни выдумать!

Механик, Сергей Николаевич:

– Ёпрст, лейтенант ну ты... это, как это тут?

Командир механику:

– Что происходит? Выход хотите сорвать? Да я вас навечно – в трюм!

Замполит – с круглыми глазами, люксы с «Альфы» – в аналогичных позах.

Лейтенант, так спокойно, как мог, конечно:

– Товарищ командир, не переживайте, своими силами справимся!

Командир, не моргнув, выслушал столь дерзкое заявление, сделал вид, что поверил и угрожающе-саркастически выдал напоследок на весь центральный:

– Обеспечить КТГ ВСЕМ необходимым, чтоб завтра я слышал доклад о готовности, понятно? Механик, ты ж говорил, что у нас всё хорошо, и КТГ нормальный нам достался. А тут – КЛАПАН?!

Выход в море сорван не был, его величество КЛАПАН был установлен на своё штатное место и нёс службу исправно, может быть, по причине того, что ему, КЛАПАНУ, тоже стало немного стыдно. И понял тогда Андрей Борисович, что видят его работу, видят. Не просто видят, но и оценивают по достоинству.

КАК ЖЕНИТЬ ХОЛОСТЯКА

Борю Борисова служба очень вдохновляла! Врождённый шутник, острый на словцо, порой считал серьёзные события забавными. Вскоре в экипаж пришёл молодой командир после академии в звании капитана 3 ранга Виталий Михайлович Федорин. Во, времена меняются! Первый командир контр-адмирал, а потом – каптри.

Начхим успел дослужиться до капитан-лейтенанта и по-прежнему неженат. Жизнь холостяка на базе интересна, но в целом отсутствие лучшей половины, которая любит и ждёт – всё-таки прибавка к тяготам и лишениям воинской службы. Настоящим самцом и охотником за любовью быть почётно в мужском кругу – статус, но поразить этим дамское сердце, увы, никак не выйдет.

Доступные разведёнки – жизнью поношенные, поэтому бессердечные, их по пальцам перечесть, к ним в очередь надо записываться, уже неинтересны. А так хочется свежести отношений и страстной отдачи.

Остаётся секретно посещать замужних. Когда у дамы всего один муж – это самый подходящий вариант для поддержания здорового тонуса мужского организма. Замужняя женщина чиста и непорочна. Сердце её принадлежит законному супругу, и дурацких вопросов типа «давай поженимся?» не задаёт.

В Гремихе все спят под одним одеялом, и, как ни маскируйся и ни накручивай противолодочные зигзаги, с большой долей вероятности (0,73) получишь торпеду в борт от законного собственника – мужа.

Холостяку приходится испытывать двойные жизненные риски: и в море, и на берегу. «Сколько можно? Надо с этим что-то делать!» – задумался бравый гусар и отважный подводник.

Решил жениться. Да и пора уже, настанет зрелый возраст, скоро носки начнут пахнуть, кто потом за такого выйдет? И сил нет, как хочется стабильности и наследников, аж в душе щемит. Отпросился в Липецк, на собственную свадьбу. Дали отпуск по семейным обстоятельствам длиной в десять суток.

Возвращается вовремя, со сломанной рукой, все его начинают поздравлять с женитьбой, хлопают по плечу.

Клешнёй в гипсе особо не поприветствуешь, кивал и вяло оправдывался:

– Не женился, так как руку сломал.

Через пять месяцев история повторилась:

– Товарищ командир! Так, мол, и так, надо позарез. Отпустите на свадьбу!

Кэп сдвинул брови так, что на выступающих скулах заиграли желваки. Но отпустил. У командира был свой расчёт. Считал, что Начхим остепенится, появившись законная боевая подруга. Холостяки, понятно, в море пашут, не вынимая, как все, но находятся в группе повышенного риска исключительно на берегу. Игорёк пять лет учился в южном городе Баку, харизма и кипучая энергия зашкаливали. Что говорить об остальном, если на лейтенантском представлении танцевал лезгинку на столе!

Игорь возвращается. Докладывает о прибытии из отпуска, а лицо – в синяках и ссадинах.

Не лелея надежды, командир, сурово интересуется:

– Ты в этот раз хоть женился?

– Никак нет! Подрался перед свадьбой. Куда я с такой рожей под венец?

Виталий Михайлович сатрапом не слыл, несмотря на то что был громогласным.

Пошутил беззлобно:

– Ну да. С такой рожей можно только Родине служить! – и с отчаянием махнул рукой.

Начним, как и весь экипаж, из морей не вылезает. На берегу редкие холостяцкие будни проводит по штатной схеме, попутно наставляя неопытных лейтенантов. Проходит ещё три месяца.

Лодка часто выходит на задачи, а Игорь в третий раз отпрашивается жениться. Удивительно, как, но уговорил командира. Цели, видать, совпадали – скорее отдать Игорька в надёжные женские руки.

У экипажа настало время выхода на боевую службу. Начним должен быть в прочном корпусе в статусе молодожёна, а его нет как нет. Командир уже мечет икру, плюётся и жалеет, что отпустил. В моря идти надо в срок! Что делать, прикомандировывают химика с соседнего борта. Лодка штатно отходит от 20-го причала. Швартовые команды работу выполнили и стоят, красивые, в жёлтых спасательных жилетах на верхней палубе подводного крейсера.

Вдруг видят, буксир несётся на всех парах к отходящей лодке. Игорь Гудилин, родной начальник химической службы, машет руками и орёт на весь залив:

– Стойте! Стойте! Это я!

Буксир подошёл вплотную.

Игорёк громко вещает:

– Товарищ командир, прошу разрешения на борт!

Без видимых повреждений организма спрыгнул с буксира на родной РПКСН.

Командир с рубки кричит:

– Игорёк! Ну что, женился?!

А тот в ответ громко, чтобы командир услышал:

– Нет! Передумал! Готов понести заслуженное наказание!

Командир, расстроенный, с большим сожалением произнёс:

– Видно, не судьба...

ТИТАНИК

Судьбы кораблей, судьбы людей. Какой интересный пласт истины и смысла откопаешь, если судьбы кораблей и людей наложить друг на друга. Вот и Борисов своей неповторимой судьбиной целую жизнь связал с РПКСН «К-279». На протяжении тридцати лет, с 1971 по 2001 год, корабль предоставлял прибежище и место престижной доблестной работы: позволял обеспечивать ядерный щит, защищать Отечество от вероятного противника, собирал коллекцию судебных в свой прочный вещмешок, неповторимые драгоценные камни. В 1972 году РПКСН, головной проекта 667 Б, вошёл в состав Северного флота. Борисов тогда стал первоклассником.

Ровно через пятнадцать лет (кто мог ведать?) и его участь будет связана с «К-279». К этому времени экипаж лодки добился успехов в боевой и политической подготовке, был удостоен вымпела МО СССР за мужество и воинскую доблесть при выполнении заданий правительства. Дружный коллектив имел свои традиции и самобытность. Первый командир Фролов Виктор Павлович, член Верховного Совета, награждён орденом Ленина и первым в истории Советского Флота удостоен звания адмирала в должности командира подводной лодки. Борисову тогда посчастливилось поступить в Нахимовское училище, где был сделан единственный для себя верный выбор – стать подводником. Окончательно принял это важное решение в 16 лет, попав на практике в Кронштадте на лодку 611 проекта. Там продемонстрировали фанерный шкаф с двумя горизонтальными полками. Как выяснилось, на верхней полке отдыхал замполит, на нижней – старпом.

– Да это то, что мне нужно! К тому же подводники строим не ходят – на корабле недостаточно места, – радостно восклицал юный нахимовец, не способный в силу возраста оценить всю сложность службы на подводных лодках.

Но решение принято и отступить желания нет.

Тем временем ещё одна страница открылась в жизни «К-279». Борисов свидетелем тех событий быть не мог, он был курсантом второго курса штурманского факультета училища подводного плавания. Но много слышал о столкновении его лодки с айсбергом в море Баффина примерно в тех местах, где погиб «Титаник». Значительно позже удалось сопоставить и связать воедино воспоминания всех участников, находившихся в центральном посту в тот момент.

И вот, закольцовывая временной круг, Борисов, уже будучи лейтенантом, месяц безвылазно на корабле, сам себя заточил, чтобы быстрее достичь цели – сдать на допуск к дежурству. Однажды был приглашён офицерами, где за чаепитием услышал странную историю. Из манерного заварного чайника разливали спирт в соответствующие чашечки, и каждый добавлял воды на свой вкус из штатного металлического чайника. Жора Дмитриев вообще не разбавлял. Распивали «чайк» и тихо беседовали, не перебивая друг друга. Тогда Борисов мало что понимал в их разговоре, но запомнил два словосочетания: «пузырь в нос» и «Олег Самохвалов». Офицеры без тостов и лозунгов благодарили судьбу и этого парня.

Предпосылки к столкновению с айсбергом тем сентябрьским днём с малой долей вероятности, но всё же присутствовали. Рекомендованная штабом глубина патрулирования – 150 метров. В открытых для доступа лонжах говорится, что в этом районе ранней осенью могут встретиться айсберги и с большей глубиной в подводной части, в виде сосулек. Поэтому командир Виктор Алексеевич Журавлёв выбрал 200 метров, вразрез рекомендациям.

К тому же, «творческие ребята» из генштаба назначили режим сеанса связи четыре часа, что вынуждало в районах патрулирования идти с повышенной скоростью семь узлов, а не четыре-пять, на которых акустики в режиме пеленгования шумов могли бы легче распознать тающие айсберги. Они слышны по ручейкам и прибою. Выходит, шли практически вслепую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.